

"Щит"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Василий Горь

Щит

Глава 1

Брат Растан Шершень

Шестой день четвертой десятины третьего лиственя

Унизанные перстнями и от этого кажущиеся толстыми пальцы скользнули вниз по бедру подавальщицы, на мгновение замерли на колене и устремились вниз, к стопе. Вернее, к выдавшему виды постолу [1], явно не один год впитывающему в себя все то, что когда-либо разливалось на пол «Хромого мерина».

Растан, до этого лениво потягивавший медовуху и поглядывавший на соседей по залу, мысленно поморщился: будь он на месте белого [2], пощупал бы ее грудь. Или, на худой конец, задницу. Благо объемы и того и другого заслуживали уважения.

Роза [3], почувствовав столь непривычное прикосновение, тоже напряглась: перестав хихикать, она встревоженно уставилась на клиента, пытаясь понять, каких еще странностей можно от него ждать.

Дворянин не обратил на ее реакцию никакого внимания - дотянувшись до края подола, он неторопливо вздернул его вверх, обнажил молочно-белую голень и провел по ней тыльной стороной ладони. Снизу вверх. От щиколотки к колену. А потом презрительно выпятил нижнюю губу и стряхнул девку со своего бедра:

- Фу-у-у... Волосата, как не знаю кто! Хозяи-и-ин!!!

- Да, ваш-мл-сть? - донеслось из-за стойки.

- Подь сюда, живо!!!

- Уже бегу, ваш-мл-сть!!! - радостно вскричал Осип по прозвищу Пуп, вылетел в зал, поскользнулся и, взмахнув коротенькими и заплывшими жиром ручонками, рухнул на заплеванный пол.

Гримаса вселенской скуки, не покидавшая лица *белого* весь этот бесконечно долгий вечер, мгновенно куда-то испарилась: он откинулся на стену и оглушительно захохотал:

- Уа-ха-ха!!! Обух, ты видел, он взмахивал руками, как подраненная утка!!!

Обух - один из двух телохранителей дворянина, сидящий ошую [4] от него, - утвердительно кивнул:

- Да, ваша милость, видел! Только, на мой взгляд, таких жирных уток не бывает...

- Ты прав, Пуп больше похож на раскормленного кабана. Но кабаны-то не летают... Жаль, что его нель... - начал было белый и прервался на полуслове. Потом задумчиво посмотрел в сторону входной двери и... вцепился в запястье все еще стоящей рядом с ним розы: - Слышь, как там тебя?

- Ивица, ваша милость! - угодливо поклонилась девка. И, выпрямившись, на всякий случай

томно прогнулась в пояснице.

Дворянин прогиба не заметил:

- Значит, так, Ивица! Дуй на кухню, возьми там нутряного жира, сала или масла и быстренько намажь им во-о-он те ступеньки. А потом хорошенечко натри пол перед дверью...

Роза непонимающе захлопала ресницами:

- Зачем, ва...

- Живо!!!

Девку как ветром сдуло – за какие-то пять ударов сердца она успела пробежать между столами, перескочить через тело хозяина, пытающегося прийти в себя, и исчезнуть за дверью в подсобные помещения...

Вседержитель смотрел [5] на кого угодно, только не на Шершня: первым человеком, пересчитавшим затылком натертые жиром ступеньки, оказался не кто-нибудь, а Коттер Слива, брат во Свете, появления которого он, Растан, ждал уже вторые сутки!

- Уа-ха-ха!!! А этот летел, как ворон, получивший стрелу в зад!!! – хлопнув ладонями по бедрам, расхохотался дворянин. – Вишь, аж перья разлетелись...

Увидев эти самые «перья» – пару метательных ножей, вывалившихся из рукавов плаща жертвы своего сюзерена, – телохранители вскочили на ноги, выхватили из ножен мечи и заревели:

- Ты! Замри! Голову – в пол!! Руки – в стороны!!!

Слава Вседержителю, Слива не запаниковал – без всякой суеты выполнил все три приказа, а когда один из спутников *белого* начал его охлопывать, без тени возмущения подсказал:

- *Кожа* [6] – на шее... И поаккуратнее со шнурком – задушишь...

Отодвинув в сторону капюшон плаща, свесившийся на плечо, телохранитель выпростал из-под него искомое, перевернул и смачно сплюнул на пол:

- Щит [7], ваша милость! Из Рагнара [8]. *Кожа* настоящая...

«Настоящая... – мысленно подтвердил Шершень, как бы невзначай передвинув руку поближе к мечу и приготовившись к бою. – Жаль только, приметы не совпадают...»

- Гость, значит? – *Белый* подумал, усмехнулся, полез в кошель – и рядом с братом Коттером, все еще прижимающим голову к полу, упал целый желток [9]. – Ладно, гость, не обижайся! Выпей вон лучше за мое здоровье...

Слива повернул голову на звук и «алчно» блеснул глазами:

- О-о-о! Спасибо, ваша милость! Выпью! Пряма ща! Вот только в себя приду.

В это время снова заскрипела дверь, и *белый*, прикипев к ней взглядом, тут же забыл про его существование.

«Слава Вседержителю...» – мысленно выдохнул Растан, вернул руку на столешницу и вцепился

слегка подрагивающими пальцами в кружку с медовухой.

- Уа-ха-ха!!! Этот, первый - прям селезень, а второй - глухарь!!!

При желании брата Коттера можно было смело устраивать к жонглерам - он настолько естественно отыгрывал роль *щита*, дорвавшегося до возможности выпить за чужой счет, что в какой-то миг Растан даже засомневался, помнит ли Слива о цели своего появления в «Хромом мерине».

Оказалось, что да - добравшись до свободного стола и заказав себе кувшин со скарским [10], луковой похлебки и гречневой каши, он, наконец, подергал себя за правый ус.

«Не может быть!!! - мысленно воскликнул Шершень. - Так быстро?»

Видимо, Слива каким-то образом почувствовал его удивление, так как повторил жест еще раз. Сопроводив его почесыванием небритой щеки...

Почесываний оказалось аж четыре. Слишком много для нормальной «работы».

«Ого!!! - поежился Растан. - Четыре десятка солдат нам, пожалуй, многовато...»

Видимо, Коттер считал так же, потому как хрустнул пальцами левой руки...

Шершень посмотрел в потолок и многозначительно сжал пальцы в кулак: приказы брата Рона не обсуждались, и действовать надо было сегодня.

Слива едва заметно пожал плечами и, словно забыв про существование Шершня, завистливо уставился на соседа, присосавшегося к кружке с медовухой.

Масляный фонарь, подвешенный под аркой надвратной башни, покачивался на ветру. И заставлял шевелиться тени.

Сгустки крошечной тьмы самых разных форм и размеров, со всех сторон обступившие пятно света, вырванное у ночи тоненьким язычком пламени, становились все чернее и чернее, и в какой-то момент Шершню показалось, что они оживают, впуская в себя часть сущности Двудликого.

Ощущение присутствия Бога-Отступника было таким четким, что Растан закусил губу, зажмурился и мысленно затараторил «Огради»: «О Защитник всего сущего, Средоточие Света Немеркнувшего и Хранитель душ сыновей и дочерей своих! Молю тебя о спасении вечной души моей от происков Бога-Отступника, рыскающего во Тьме, от слуг его, отринувших служение Свету, и от тех, кого коснулось дыхание Мрака Крошечного! Не оставь меня, Всеблагий Отец, на пороге лютой смерти, не отступись от души моей, живущей служением тебе, избавь от коварства подлого, бед многочисленных и укрепи мою душу и тело, дабы мог я противостоять силе неистовой да соблазнам всяческим...»

Молитва читалась легко, истово, и к ее концу Шершень явственно почувствовал, что на него нисходит божественная благодать: ужас, ледящий душу, уступил место бесшабашной храбрости, а холодок, выстуживающий сердце и морозящий разум, - ощущению божественного тепла.

вернуться

1

Постолы - вид средневековой обуви.

вернуться

2

Белые - дворяне. Черные - простолюдины (жарг.).

вернуться

3

Роза - девушка легкого поведения (жарг.).

вернуться

4

Ошую - слева. Одесную - справа.

вернуться

5

Вседержитель смотрит на меня - расхожее выражение, аналог нашего «везет».

вернуться

6

Кожа - знак принадлежности к Гильдии Охранников. На ней нанесены клеймо гильдии, имя и прозвище охранника, а также две-три его приметы.

вернуться

7

Щит - в просторечии член Гильдии Охранников.

вернуться

8

Рагнар - королевство на северо-востоке от Вейнара.

вернуться

Желток - в просторечии название золотой монеты.

вернуться

Скарское - дешевое вино.

Несладко пришлось даже теньям: открыв глаза и вглядевшись в ночную тьму, Шершень увидел, что они начали сереть и съеживаться. А потом пропали - Бог-Отец, снизойдя в дольний мир, разорвал сплошной черный саван из облаков и на миг показал Растану лик Уны [11]!

- Благодарю тебя, о Великий!!! - еле слышно выдохнул брат во Свете, осенил себя знаком животворящего круга и почти сразу же расплылся в счастливой улыбке: на стене, ограждающей городские владения Рендаллов, появился лишний зубец...

- Брат Савари... - шепнул лежащий рядом Слива. - Дождались...

Почувствовав, что его верный слуга обрел потерянную было силу духа, Вседержитель милостиво прикрыл лик Уны еще одним облаком и вернул в мир нужную братьям во Свете тьму.

Мысленно вознеся господу еще одну молитву, Шершень махнул рукой - и пять силуэтов, выскользнувших из подворотни, без особой спешки перебрались через улицу и нырнули во мрак у основания стены. А через мгновение им на головы опустилась веревка с узлами через каждый локоть.

- С нами - Бог-Отец! - тихонечко выдохнул Шершень, поудобнее передвинул меч и полез вверх по стене...

Несмотря на работу нескольких артелей мастеров, территория особняка Рендаллов все еще хранила следы недавнего мятежа: парк, в который Растан попал после того, как перебрался через стену, оказался завален обломками статуй; фонтан, некогда радовавший глаз домочадцев и гостей графа Грасса, - полон какого-то мусора. А в торце небольшой пристройки, прячущейся в тени высоченного ореха, зиял здоровенный пролом.

Кстати, и сам особняк выглядел неважно - добрая половина окон чернела дырами, весь первый этаж оказался обнесен строительными лесами, а на месте балкона второго этажа вообще торчали обломки несущих балок...

«Туда?!» - жестом поинтересовался Шершень у брата Савари, показывая на дверь над теми самыми балками.

Тот утвердительно кивнул.

«А куда идти дальше, знаешь?»

Тот снова кивнул. Потом, шевельнув руками, показал на себе весьма немаленький женский бюст и кивнул в сторону дома.

«Есть кому показать...» – удовлетворенно усмехнулся Шершень. И мотнул головой – мол, веди...

Савари пожал плечами, посмотрел на небо и неторопливо пошел в сторону кордегардии! Душераздирающе зевая и почесывая у себя между ног...

«Еще один жонглер... – невесть почему разозлился Растан. – Нет чтобы вести себя как полагается?»

Впрочем, приступ злости на подчиненного прошел так же быстро, как и появился: не успел Савари сделать и десятка шагов, как из тени рядом с кордегардией вышел невысокий крепыш с алебардой в руке и лениво поинтересовался:

– Тебя че, давно не пороли?

– А я что, я ничего!!! – залебезил брат во Свете. – Не спалось. Вот я и решил подышать воздухом...

– Так я тебе и поверил... – фыркнул воин. – Завтра гляну самолично. Если окажется, что в саду появились следы твоего «дыхания», – получишь плетей...

– Не появились! Слово! – сделав вид, что испугался, Савари заломил руки. – Клянусь Вседержителем!!!

При упоминании о Боге-Отце вассал графа Грасса сморщился и сплюнул! Так, как будто брат во Свете помянул Дзуликого:

– Ладно, вали спать... Завтра поговорим...

– Кстати, Лех, как насчет того, чтобы хлебнуть чего-нибудь горячительного? А то на улице зябко, а пить в одно рыло я не привык...

– Вот, теперь – совсем другое дело! – ехидно ухмыльнулся воин. – А то «Вседержитель», «Слово»... Надеюсь, ты припас для меня кувшин-другой белогорского [12]?

– Эх, если бы... – вздохнул Савари. – Самая обычная медовуха...

– Ну ладно, Дзуликий с тобой, сойдет. А где?

– Э-э-э... Может, лучше показать?

Стражник ослабилась, и «каменщик», проработавший в особняке Рендаллов целых два дня, повел его к дальнему углу особняка.

Дождавшись, пока парочка пропадет из поля зрения, Шершень осенил себя знаком животворящего круга и скользнул к помосту. Стараясь не вылезать из тени. Добрался. Влез. Запрыгнул на обломок балки и исчез в темноте. Мысленно моля Вседержителя, чтобы тот отвел глаза всем, кому не спится...

Тот, наверное, смотрел на своих сыновей, не отрываясь: не только Шершень, но и остальные братья во Свете проникли в особняк незамеченными. И, попрятавшись за остатки мебели, принялись дожидаться появления Савари.

«Каменщик» вернулся только через полчаса. Слегка покачивающийся и ощутимо пахнущий дешевым пойлом. И, взглядевшись во тьму, царящую в комнате, икнул...

- С-с-сав!!! - взбесившись, зашипел Растан. - Ты что творишь, паскуда?

Брат во Свете мгновенно протрезвел. И, вытерев со лба пот, жестом поманил Шершня за собой.

«Выберемся - отправлю его к братьям-надзирающим. Пусть вправят ему мозги...» - мысленно пообещал себе Растан, выскользнул в коридор и двинулся следом за Савари.

Идти оказалось совсем недалеко - «каменщик» осторожно отворил третью дверь справа и скользнул внутрь. Шершень вошел следом, взгляделся в темноту и удовлетворенно хмыкнул: слава Вседержителю, Савари пропил далеко не все мозги. И догадался спеленать не какую-нибудь бабищу, не боящуюся ни Вседержителя, ни Двуликого, а тоненькую, как хворостинка, девчущку лиственей пятнадцати от роду.

Увидев склонившиеся над ней фигуры, она перестала мусолить кляп и задрожала мелкой дрожью.

- Жить хочешь? - шепотом поинтересовался Растан.

Девчущка утвердительно кивнула.

- Тогда расскажи, как пройти к покоям графа Грасса...

Она вытаращила глаза, а потом одновременно пожала плечами, кивнула и отрицательно мотнула головой.

- Не скажешь? - удивился Шершень и демонстративно вытащил из рукава метательный нож.

Кивок. Утвердительный. За ним - еще один. Движение ногами, больше похожее на судорогу. И дикий взгляд, полный смертельного ужаса.

- Что, не сможешь объяснить из-за кляпа?

Еще один кивок. Вернее, несколько...

- Покои графа Грасса пострадали больше всего, и говорят, что он ночует где попало... - тихонечко объяснил Савари.

Девчущка подтвердила его слова десятком энергичных кивков.

- А ты вообще знаешь, где он сейчас?

Знала. Согласилась отвести. И пообещала не делать глупостей. Естественно, молча. А когда ей развязали ноги и поставили на пол, рухнула. И еле слышно застонала.

«Слишком сильно связал, - мысленно усмехнулся брат во Свете. - Впрочем, а чего с ней церемониться? Все равно доживает последние минуты...»

Когда девчущка смогла держаться на ногах, она взглядом показала на дверь и налево.

- На черную лестницу... - объяснил Савари. - А на какой этаж?

Пленница задумалась, а потом пять раз встала на цыпочки.

- Пятый?

Кивнула.

- Что ж, пошли.

Черная лестница особняка Рендаллов таковой только называлась - широченная, с отполированными до блеска каменными ступенями, она отличалась от виденных Шершнем белых только разве что отсутствием окон, разного рода декоративных ниш, гобеленов, картин и статуй. Если бы не дикая смесь из запахов еды, свечей, лампадного масла и нечистот, то он решил бы, что девчушка лжет.

Не лгала - этажом выше на одной из ступеней красовалось темное пятно, препротивно пахнущее мочой. На четвертом сиротливо стояло ведро с плавающей в нем тряпкой. А на площадке пятого этажа пол оказался усыпан виноградками.

Наступив на одну из них, Растан недовольно скривился и удивленно уставился на девчушку: увидев его реакцию, она виновато покраснела.

«О как! - мысленно восхитился монах. - Значит, ее вина...»

Тем временем Савари, вслушивавшийся в тишину за дверью, удовлетворенно мотнул головой, повернулся к служанке и еле слышно шепнул:

- Ну, и куда дальше?

Девчушка задумчиво посмотрела на Шершня и... показала взглядом вниз!

- Ниже? - взбеленился «каменщик».

«НЕТ!!!» - замотала она головой. И снова показала вниз.

Оказалось, что на свою ногу. Которой пыталась нарисовать схему коридоров...

«Прямо до второй развилки. Потом - одесную. Там будет что-то вроде ступенек. За ними - снова одесную, а там то ли вторая, то ли третья дверь ошую...» - перевел ее объяснения Шершень. Потом почесал затылок и спросил:

вернуться

11

Уна и Дейр - две луны Горгота.

вернуться

12

Белогорское - одно из самых дорогих вин этого мира.

- А где дежурят часовые?

Ножка начала топтать практически без остановок!

- То есть чуть ли не у каждого поворота? - нахмурился Савари.

Девушка кивнула.

- По-другому пройти можно?

«Угу... Если пойдете за мной...» - ожесточенно вертя головой, объяснила она.

- Пойдем. Но сначала ты расскажешь, куда и как. Только без глупостей, - прижав метательный нож к ее тоненькой шейке, выдохнул Растан.

Та кивнула. Но уже без особого ужаса в глазах - видимо, сообразив, что без ее помощи им до Рендалла не добраться.

Избавившись от кляпа, девушка подвигала нижней челюстью, облизнула губы и хрипло прошептала:

- По коридорам вам не пройти: на этом этаже слишком много воинов. А если зайти в бельевую, выбраться в окно и пройти по карнизу, то можно дойти до кабинета его светлости. Ночью там никого не бывает. От кабинета можно пройти до опочивальни покойной графини Шаррины. Из нее через анфиладу комнат - до комнаты для пения, там - снова выбраться на карниз...

Чем дальше Растан вслушивался в ее слова, тем меньше ему хотелось пробираться к покоям Первого министра короля Неддара по указанному маршруту. И не потому, что он казался надуманным - с этим вроде бы все было в порядке, - просто в хитросплетении коридоров и анфилад, созданном кем-то из предков графа Грасса, мог сломить ногу сам Дзуликий. А Шершню и другим братьям во Свете требовалось не только дойти, но и вернуться...

«Теперь понятно, почему она успокоилась, - подумал он. - Сообразила, что будет нужна и после того, как...»

Тем временем девушка закончила рассказ и покорно открыла рот.

Вставив в него кляп и зачем-то похлопав ее по щеке, Шершень кивнул Савари, вытер вспотевшую ладонь о шоссы, поудобнее перехватил нож и скользнул в открывшуюся дверь.

Бельевая оказалась пустой - стопки простыней и пододеяльников, которые должны были лежать на многочисленных полках, исчезли в неизвестном направлении. А на их месте валялись плотницкие инструменты, гвозди и тому подобная дребедень. Очередной раз вспомнив, что в особняке вовсю идет ремонт, а значит, в нем, кроме домочадцев и воинов, живут еще и рабочие, Растан подошел к окну, осторожно отворил створку и выглянул наружу.

«Высоковато. Если что - не прыгнешь. Зато стена - темная, и на ее фоне нас не увидят. Да и карниз широкий - по такому пройдет даже ребенок. Пройдет. Но идти всем сразу - глупо. Надо послать кого-нибудь одного...»

Повернувшись к братьям во Свете, он ткнул пальцем в Коттера и приказал:

- Слива? Иди-ка, проверь...

Тот кивнул, взобрался на подоконник и исчез. Минуты на полторы. А потом вернулся и доложил:

- Никого... Можно идти...

- Тогда ты первый, за тобой Савари, Кох с девкой, Мотня, Яго и я...

Выбравшись на карниз, Шершень посмотрел на небо и поморщился: Двудликий, почувший появление Вседержителя, решил поинтересоваться тем, что происходит в его [13] ночи, и приказал Уне окинуть взглядом улицы Аверона. Та послушно выглянула из облаков и засияла, как маленькое, но злое солнышко.

С ненавистью посмотрев на ее ухмыляющийся лик, Растан мысленно помянул Бога-Отступника самыми нехорошими словами, на ощупь добрался до нужного окна и забрался на подоконник. Белые пятна, плавающие перед глазами, никак не хотели исчезать, поэтому он несколько раз моргнул, шагнул в темноту и... ослеп от страшного удара в лицо.

- А вот и последний... - донеслось до него сквозь пелену наползающего небытия.

- Замечательно! Связать - и к остальным...

Глава 2

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Шестой день четвертой десятины третьего лиственя

Покои для сумасшедших выглядели немногим лучше, чем камера в темнице нашего родового замка: голые стены, покрытые бурыми пятнами, исцарапанный каменный пол, который в последний раз подметали еще во время правления Шаграта Первого, обшарпанная кровать без балдахина, перекошенный колченогий стол, изрезанный ножами табурет и ночная ваза. К моему удивлению, оказавшаяся чистой.

Шкафов, ковров, зеркал и тому подобных излишеств не было. Камина - тоже. Впрочем, зачем каминны сумасшедшим? Они же не понимают, что огонь жжется? Значит, могут себе навредить.

Пахло в этих самых «покоях» соответственно - затхлостью, заплесневелым сыром и гнилью. Ну, и для полного счастья - нечистотами.

Единственным светлым пятном во всем этом царстве запустения, освещенном светом одной-единственной свечи, была стопка белоснежных простыней, лежащая на потертom покрывале.

«Надо же, новые!» - отрешенно подумала я. И криво усмехнулась...

- Его светлость просил передать свои искренние извинения за то, что эту ночь вам придется провести в таких жутких условиях... - раздалось у меня за спиной. - Дело в том, что...

- Можете не объяснять... - не оборачиваясь, буркнула я. Потом вспомнила о правилах хорошего тона и добавила: - Я принимаю его извинения...

Мажордом пробурчал себе под нос что-то невразумительное, аккуратно положил на стол мешок с кромовскими трофеями и рванул к кровати. Видимо, чтобы застелить мне постель.

Любоваться на его сухощавый зад, как, впрочем, и на слащавую физиономию, мне совершенно не улыбалось, поэтому я повернулась к двери, рванула ее на себя и кивнула головой в сторону коридора:

- Можете идти: я хочу побыть одна...

- Э-э-э...

- Вон!!!

- Как прикажете, ваша милость! - мажордом изобразил куртуазнейший поклон и, обойдя меня по дуге, выскользнул из комнаты. А через мгновение в дверном проеме возникли двое воинов в цветах Рендаллов: - Ваша милость, его светлость граф Грасс приказал нам вас охранять...

- Приказ есть приказ... - стараясь держать себя в руках, выдохнула я. - Охраняйте. Но... находясь в КОРИДОРЕ!!!

Почувствовав, что я на грани срыва, они одновременно приложили к груди десницы и исчезли. Благоразумно затворив за собой дверь.

На остатках душевных сил я добралась до кровати, упала лицом вниз и, обняв Посох Тьмы, затряслась в беззвучных рыданиях: ощущение абсолютного бессилия, которое я испытала в «Королевском льве», навалилось на меня с новой силой. И в считанные мгновения выстудило душу...

...Еще совсем молоденький, но уже исполненный ощущения собственной важности парнишка, без всякой необходимости прижимающий к бедру меч, церемонно поклонился графу Грассу и звонко доложил:

- Ваша светлость! Там - королевская стража... С орденом на арест Бездушного по имени Кром...

- Что? Какой, к Дзуликому, арест? - непонимающе воскликнула я. - И... в чем его обвиняют?

Парнишка равнодушно посмотрел на меня и холодно бросил:

- В убийстве дворянина.

Я недоуменно повернулась к графу Грассу и... онемела: он откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу с таким видом, как будто собирался смотреть на выступление жонглеров!!!

«Ну уж нет. Не дождетесь», - подумала я, выпрямила спину, слегка приподняла подбородок, фыркнула, встала с табурета и неторопливо поплыла к Крому. Разбираться...

Посох Тьмы, зажатый в его руке, оказался повернут не той стороной, которая мне была нужна. И я, мысленно попросив у Меченого прощения, еле слышно прошептала:

- Покажи Путь, пожалуйста...

Он нисколько не обиделся - просто пожал плечами и вытянул Посох перед собой. Да еще и повернул. Так, чтобы мне были видны последние зарубки.

Я опустила взгляд на иссиня-черную поверхность Пути, испещренную поперечными канавками, и потеряла дар речи: на нем светилась свежим срезом еще одна. Новая...

Зачем-то прикоснувшись к ней пальцем, я тяжело вздохнула. Потом встала на цыпочки и заглянула в черные, как Бездна Неверия, глаза:

- Ты действительно убил дворянина?

Кром кивнул.

- Зачем?

- Их было пятеро. Они сильничали девку. Я услышал крик...

«Он бросился ей на помощь! И спас! Как меня! Хотя их было пятеро, а он - один...»

вернуться

13

В этом мире верят, что время Двуликого - ночь. А Дейр и Уна - его слуги...

Как ни странно, ощущение того, что он спасает кого-то еще, меня слегка покорило. Но потом я представила себя на месте той девушки и чуть не умерла от стыда.

Впрочем, заниматься самобичеванием мне было некогда, и уже через мгновение я пыталась вспомнить, как и когда на Посохе Тьмы появились новые зарубки.

Несколько мгновений раздумий - и я почувствовала себя душой: получалось, что Кром вырезал их только после того, как кого-то спасал. Либо от насилия, либо от неминуемой смерти! В первое мгновение мысль показалась мне слишком безумной: чтобы поверить в то, что слуга Двуликого может рыскать по Горготу в поисках тех, кому требуется защита, нужно было быть юродивой. Но через какое-то время я пришла к выводу, что других объяснений быть не может. И... поверила:

- Кажется, я догадалась! Каждая зарубка - это не смерть, а жизнь! Жизнь, которая не оборвалась... Так?

Меченый опустил Посох Тьмы и улыбнулся. Одними глазами:

- Так...

Я ласково провела пальцами по шраму на его щеке, прошептала «спасибо» и повернулась к графу Грассу:

- Вы слышали, ваша светлость? Их было пятеро. Они сильничали девку. Значит, Кром был в своем праве...

- Если бы то, что вам рассказал ваш спутник, соответствовало действительности, его бы не искали... - глядя на меня с затаенным превосходством, фыркнул граф. - Значит, он что-то недоговаривает. Или лжет...

Я вспыхнула - в чем-чем, а во лжи Кром замечен не был:

- Он всегда говорит правду!!!

Его светлость равнодушно пожал плечами и перевел взгляд на ожидающего его решения парнишку:

- Приведи десятника. Одного...

Юноша отдал воинский салют и исчез. А через десяток ударов сердца в комнату скользнул звероватого вида хейсар и... почему-то уставился на меня.

Странно, но в его взгляде горело совершенно невозможное сочетание чувств – непонимание, осуждение, брезгливость и сочувствие! И это почему-то перепугало меня до дрожи в коленях.

- Представьтесь! И изложите суть дела... – не дождавшись представления и хоть какого-то намека на вежливость с его стороны, раздраженно рыкнул граф Рендалл.

Горец с хрустом сжал кулаки и нехотя посмотрел на него:

- Силы твоей деснице и остроты твоему взору, ашер! Я – десятник Махри из рода Ширвани...

Потом забыл про его существование и шагнул к Бездушному:

- Ты – Кром по прозвищу Меченый?

По своему обыкновению Кром ограничился кивком.

- Ты арестован...

Слуга Дзуликого едва заметно шевельнул бровью:

- За что?

- За убийство двух дворян...

«Двух?» – мысленно отметила я и тут же затараторила:

- Они ссильничали девку! А он ее защитил!!!

- Прошу прощения, ашиара, но никакого насилия не было: девка утверждает, что ей заплатили аж два желтка и она пошла с ними добровольно...

- А под сарафан ей заглядывали? – поморщившись, поинтересовался Кром. – Попробуйте. Она должна до сих пор истекать кровью...

Хейсар помолчал несколько мгновений и нехорошо оскалился:

- Я сделаю это сам. Даю слово. А потом сообщу об увиденном судье...

Меченый утвердительно кивнул:

- Я тебя услышал...

Потом аккуратно прислонил к стене Посох Тьмы и вопросительно посмотрел на меня:

- Ваша милость, вы за ним не присмотрите?

- Не присмотрит... – угрюмо буркнул горец. – Ты – ее майягард. Значит, она должна разделить твою судьбу...

- Что?! – растерянно воскликнул Кром. – Как это «разделить»?

Хейсар пожал плечами и усмехнулся:

- Она поклялась Бастарзом, что отдала тебе свое сердце. Доказательство - след от пореза на ее левой руке...

- Какое, к Дзуликому, сердце? Она сказала, что я ее майягард. То есть спаситель!

- Спаситель - это по-вейнарски. А по-хейсарски - владыка сердца. Или есть человек, которому гард'эйт [14] отдает свою жизнь... - объяснил горец.

- И?

- Что «и»? Он отдает СВОЮ жизнь, чтобы жить той, которую Снежный Барс посылает его майягарду...

Я похолодела: получалось, что, спрашивая меня про Путь Крома [15], горец, взявший с меня ту самую клятву, пытался понять, зачем мне становится гард'эйт человека, который вот-вот уйдет к Дзуликому!

Тем временем Кром, побагровев, сорвался с места, в мгновение ока оказался перед хейсаром и взял его за грудки:

- Мою судьбу она разделять не будет, ясно? Я не принимал этой клятвы, значит...

- Клятвы, данные богам, не нарушают... - даже не попытавшись скинуть со своего нагрудника руки Меченого, вздохнул горец. - Это было ее решение...

«Не суди издали, ибо вблизи все сущее выглядит иначе...» - горько подумала я: прежде, чем называть Крома красивым словом, услышанным в детстве, стоило узнать, что именно оно означает...

- Я готов взять на себя кару за нарушение этой клятвы... - оторвав воина от пола, прорычал Меченый. И принялся его трясти так, что у бедняги начали клацать зубы. А когда чуть не вытряс из него дух, вдруг добавил: - Любую кару, слышишь?

- Э-это-о - Кля-атва-а Кля-атв, и-илгиз [16]! О-от та-аких не-е отка-азы-ываю-утся...

- Мне все равно: она не понимала, о чем говорит!!!

Я почувствовала, что вот-вот сгорю со стыда: он меня защищал. Опять. На этот раз - от моей собственной глупости. Причем не перед людьми - а перед богом. А я, вместо того чтобы принять предопределение и подтвердить данное слово, стояла и хлопала ресницами!

- Оставь его, Кром! - собравшись с духом, попросила я. - Он прав...

- Нет, прав как раз Нелюдь! - подал голос граф Грасс. - Махри! Я, граф Грасс Рендалл, Первый министр короля Неддара Латирдана, подтверждаю слова Крома по прозвищу Меченый: в момент произнесения клятвы баронесса Мэйнария д'Атерн не понимала, о чем говорит. Точно так же, как не понимает этого и сейчас!

- Как это? - ошарашенно посмотрев на меня, спросил хейсар.

- Она - эйдине [17], Махри... - Граф грустно посмотрел на меня. - Во время мятежа потеряла не только отца, мать и обоих братьев, но и сама чудом избежала смерти...

- Кто эйдине, я? - догадавшись, что он имеет в виду, возмутилась я.

- Увы, я узнал об этом слишком поздно... - не обратив никакого внимания на мое возмущение, вздохнул Рендалл. - Отец леди Мэйнарии, барон Корделл, был моим другом. И я считаю своим долгом сделать все, что можно, для ее скорейшего выздоровления...

В глазах хейсара появилось сомнение:

- Прости, ашер, но она выглядит нормальной!

Граф Грасс прищурился и высокомерно процедил:

- Ты сомневаешься в моем Слове?

От него повеяло таким лютым холодом, что я поежилась. А горец равнодушно кивнул:

- Да, ашер! Клятва Клятв - это шаг. Шаг, на который требуется гораздо больше мужества, чем для того, чтобы сразиться одному против армии или умереть. Ибо, отдавая свое сердце майягарду, человек лишается всего - жизни, души и даже права на свое будущее. Чтобы решиться на такое, мало быть эйдине - для этого надо проникнуться Духом Бога-Воина. И переступить через свое «я»...

- Леди Мэйнария! Вы не повторите, от чего вас спас ваш спутник? Только, если можно, коротко и без лишних подробностей, - неожиданно попросил меня граф Грасс.

Я закусила губу и отрицательно помотала головой.

- Почему? Вы уже все забыли? Или отказываетесь от своих слов?

«Прежде чем говорить - думай. Сказав слово - держи...» - мрачно подумала я. И, чувствуя себя так, как будто пытаюсь шагнуть с башни донжона в пустоту, развернувшись под ногами, прошептала:

вернуться

14

Гард'эйт - дословно «лишенный сердца». То есть тот, кто отдал сердце майягарду.

вернуться

15

См. 1-ю книгу.

вернуться

16

Илгиз - долижник (хейсарский).

вернуться

Эйдине – тот, чей дух заблудился в густом тумане. То есть сумасшедший.

- От сторонников графа Иора Варлана, от укуса акрида, от десятка с лишним Серых и приблизительно от такого же количества лесовиков. Но все это – не в один день, а...

- Достаточно, – рявкнул Рендалл. Потом повернулся к хейсару и вопросительно приподнял бровь: – Убедился?

Горец подошел ко мне, уставился мне в глаза и угрюмо усмехнулся:

- Лучше бы ты оказалась ори'дарр'уарой [18]...

Потом сплюнул себе под ноги и, не глядя на Крома, приказал:

- Пошли, илгиз. Нам пора...

Меченый кивнул, провел пальцами по Пути, прислонил Посох к стене и шагнул к двери. А я вдруг поняла, что он уходит не из комнаты, а из моей жизни. Навсегда!

Ощущение абсолютного бессилия и приближающейся потери было таким острым, что я не удержалась и всхлипнула:

- Стойте!!!

- Извини, ашиара, но нам действительно пора... – не глядя на меня, с легким презрением в голосе повторил горец.

- Я иду с вами. Вернее, со своим майягардом... – вцепившись в налокотник Крома, воскликнула я.

Тот осторожно расцепил мои пальцы и отрицательно покачал головой:

- Не надо...

А горец хрустнул костяшками пальцев и мрачно пробормотал:

- Эйдине ходят другими путями. Ты остаешься тут...

...Слезы не помогли. Совсем. Даже наоборот – через какое-то время до меня дошло, что пока я упиваюсь своим горем в особняке Рендаллов, Кром томится в сырой и грязной камере королевской тюрьмы. Причем не один, а в компании с лесовиками, насильниками и тому подобным сбродом. Или – не дай Вседержитель – находится в пыточной, наедине с палачами!

Последняя мысль вызвала во мне такой дикий ужас, что я мгновенно оказалась на ногах, подлетела к двери, рванула ее на себя и... уперлась в широченную спину стоявшего за ней воина.

- Простите, ваша милость, но выходить из комнаты пока небезопасно... – развернувшись ко мне лицом, густым басом произнес он. – Поэтому, если можно, вернитесь обратно!

Проскользнуть между ним и стеной я не смогла – оказалось, что он двигается намного быстрее. Отодвинуть его в сторону – тоже. В общем, чуть не сломав ногти о кольчугу, я попробовала добиться желаемого по-другому:

- Мне надо срочно поговорить с графом Грассом!!!

- Я передам... – пообещал здоровяк. – Но это будет не скоро – покидать пост я не имею права, значит, смогу это сделать только после того, как сменюсь!

- Я что, арестована? – взбеленилась я.

- Нет, ваша милость! Просто в доме сейчас небезопасно...

Чувствовать себя душой, которой лгут в глаза, было обидно. Однако шансов переупрямить воина у меня не было, поэтому я фыркнула, развернулась на месте и вернулась к себе в комнату. Думать...

Как ни странно, воин не обманул – не прошло и часа, как в дверь постучали. А когда я разрешила войти, на пороге возник граф Грасс собственной персоной. Только вот почему-то бледный, как полотно, в окровавленном и изорванном камзоле и с левой рукой, висящей на перевязи.

- Вы хотели меня видеть? – все так же на «вы» поинтересовался он.

- Д-да... – кивнула я, не отводя взгляда от заляпанной кровью повязки на его плече. – Что случилось?

- Покушение... – устало потер ссадину на скуле он.

- Вы ранены?

- Ничего особо серьезного. Просто потерял немного крови...

Судя по цвету его лица, крови ему пустили достаточно. Поэтому, вместо того чтобы потребовать свободы передвижения, я о ней попросила.

Граф криво усмехнулся:

- Я не могу дать вам того, что у вас уже есть: вы совершенно свободны! А в эту комнату вас поселили только потому, что я знал о предполагаемом появлении убийц и беспокоился о вашей жизни...

- Если вы о них знали, то почему позволили себя ранить?

- Их было слишком много, а я не люблю прятаться за спинами своих вассалов...

- Ясно... Тогда получается, что теперь, когда убийцы мертвы, а опасность миновала, я могу идти, куда хочу?

- Увы, уничтожить удалось далеко не всех. Поэтому в течение нескольких дней дом вам лучше не покидать...

- Мне нужно в королевскую тюрьму! И чем быстрее – тем лучше!!!

- Если с вами что-нибудь случится, я себе не прощу. Поэтому давайте сделаем так: через час-полтора, когда рассветет, я отправлюсь во дворец. По дороге туда... или обратно я заеду в тюрьму и узнаю, что там с вашим спутником. А вечером вам расскажу...

Глава 3

Кром Меченый

Шестой день четвертой десятины третьего лиственя

От толчка в спину я увернулся без особого труда - увидел, как дернулась тень тюремщика, следующего за мной, и сместился в сторону. Жирная туша, обтянутая начинающей ржаветь кольчугой, не удержала равновесие и упала на колени, выронив из рук окованную сталью дубинку.

Я неторопливо подошел к отполированной не хуже моего посоха деревяшке и стопой пододвинул ее поближе к хозяину. А когда тот перестал проклинять скользкий пол, меня и Двуликого, негромко сказал:

- Следующий раз сломаю. Тебя...

Тюремщик побагровел, вскочил на ноги, угрожающе набычился и зашипел:

- Да ты... Да я... Да ты знаешь, что...

- А потом проклянущу... - бесстрастно добавил я. - Кстати, могу это сделать прямо сейчас...

Жирнягу проняло. Причем мгновенно - он прикусил язык, зачем-то оглянулся и отрицательно замотал головой:

- Не надо! Я все понял!!!

- Тогда веди...

Повел. Периодически сбиваясь с шага на бег. Вернее, на то, что он считал бегом. При этом напрочь игнорировал чуть ли не все требования к сопровождению заключенных: вместо того, чтобы сопровождать меня, следуя в нескольких шагах позади, он бежал передо мной и смотрел куда угодно, но не на меня. Во время открывания решеток, перегораживающих лестницу перед каждым следующим этажом, он позволял мне стоять рядом, а открыв их настежь, не запирали, а торопливо уносился дальше.

Будь у меня желание его убить или оглушить, я бы сделал это без особого труда. Несмотря на кандалы, сковывающие мне руки за спиной. И во двор выбрался бы тоже без труда, благо забрать связку ключей с тела смог бы даже ребенок. Только вот особого толка в этом не было: чтобы пройти два десятка шагов от входной двери и до внешних ворот по плацу, патрулируемому стражей и простреливаемому со стен, требовалось быть богом. Или невидимкой...

Поднимать вверх по лестнице пять-шесть ведер [19] жира, да еще и бегом, было затруднительно. Поэтому к моменту, когда мы добрались до площадки шестого этажа, тюремщик уже не дышал, а хрипел. Однако, вместо того, чтобы остановиться и перевести дух, попробовал вставить ключ в замочную скважину очередной решетки. Увы, не попал - руки тряслись, как во время лихорадки.

Стер пот со лба. Потом бросил на пол дубинку (!) и вцепился в ключ двумя руками!

Я мысленно восхитился: кажется, такого страха я еще ни в ком не вызывал.

«Вызывал...» – тут же мелькнуло в голове. А перед внутренним взором возникла леди Мэйнария. Лежащая в кровати и с ужасом глядящая на меня. Потом я явственно услышал ее «мама!!!» и увидел, как она теряет сознание...

Видимо, я ушел в воспоминания слишком глубоко, так как не сразу понял, что дверь уже открыта, а мой сопровождающий тихонечко канючит:

- Эй!!! Как там тебя? Нелюдь!!! Идем, а?

Я открыл глаза, оглянулся по сторонам, сообразил, что нахожусь в тюрьме, и заскрипел зубами: коротенький отрезок жизни, подаренный мне в самом конце Пути Светлой половиной Дзуликого, закончился...

Услышав скрип моих зубов, тюремщик почему-то решил, что это – часть ритуала призвания Проклятия Дзуликого. И дико перепугался: побледнел, вжался спиной в решетку и принялся безостановочно осенять себя знаком животворящего круга. При этом он с непередаваемой мукой смотрел на валяющуюся рядом со мной дубинку и, не переставая, кусал губы.

Мне стало смешно – один из богов королевской тюрьмы боялся! Причем не человека, а слуха, распущенного жрецами Бога-Отступника для защиты его слуг от человеческой неблагодарности!

вернуться

18

Ори'дарр'иара – дословно «воин в теле женщины».

вернуться

19

Ведро – местная мера веса. Порядка 8 кг.

- Покидая этот храм, ты окажешься один на один с миром, в котором Дзуликого считают воплощением зла... – глядя на меня с затаенной грустью, вздохнул брат Арл. – Выжить в этом мире тебе будет непросто. И не потому, что ты недостаточно силен или быстр – просто все то время, которое потребуется тебе, чтобы пройти свой Путь, ты будешь ощущать только два чувства – страх и ненависть...

- Мне нет дела до чьих-то там чувств... – подтянув ремешок на правом наруче, угрюмо буркнул я. – Есть я, мой Путь и мир, по которому он пролегает...

Жрец выслушал меня все с той же грустной улыбкой и пояснил:

- Ты меня не понял! Тебя будут бояться и ненавидеть ВСЕ до единого!!!

Я равнодушно пожал плечами:

- Главное, чтобы не били в спину...

- В спину бить, скорее всего, не будут: гораздо сильнее, чем тебя, они боятся Проклятия Дзуликого...

- Что за проклятье? - без особого интереса спросил я.

- Слух, некогда распущенный жрецами Дзуликого... - по-мальчишески улыбнулся жрец. - О том, что каждый из вас, Идущих, перед смертью способен воззвать к Богу-Отступнику. А тот, мстя за своего слугу, обязательно предаст самой страшной смерти всех, хоть как-то причастных к гибели Идущего.

- Слухи, не поддерживаемые чем-то реальным, забываются, - подумав, хмыкнул я.

- Мы его поддерживаем, - нехорошо усмехнулся Арл. - Если, не приведи Дзуликий, кто-то из Идущих погибает, мы расследуем обстоятельства его смерти и, при необходимости, становимся орудиями воли Бога-Отступника.

- Значит, это совсем не слух...

- Считай, как тебе больше нравится. Но главное, что именно благодаря ему Идущие перестали гибнуть от ядов, подмешанных в пищу, от ударов в спину и выстрелов из придорожных кустов. Так, мы отвлеклись! На чем я остановился? Ах да: выйдя за эту калитку, ты очень быстро ощутишь, что вызываешь в людях только ненависть и страх. Ощущение пустоты вокруг будет все сильнее и сильнее и в какой-то момент станет настолько невыносимым, что ты задумаешься о смысле своего Пути. Это тоже будет испытанием - если ты справишься со своим отчаянием и найдешь в себе силы, чтобы идти дальше, то на тебя обратит внимание еще и Светлая сторона Дзуликого.

- Мне все равно, кто, когда и почему обратит на меня внимание! Я хочу лишь одного - закончить свой Путь и уйти к родным, - вырвалось у меня.

Брат Арл нахмурился и с сомнением уставился мне в глаза:

- Мне почему-то кажется, что ты еще не готов...

- Почему это? - перепугавшись, что он снова отложит начало Пути на месяц, взвыл я. - Хочешь, скажу, о чем ты собираешься говорить дальше? О том, что с какого-то момента каждый шаг моего Пути будет оцениваться и Темной, и Светлой стороной! И что это наложит на меня дополнительную ответственность: если какой-то из них мое поведение вдруг покажется недостойным, то Посмертия я не получу.

- Ты видишь только одну грань нашей веры - страх, - грустно вздохнул Арл. Потом задумчиво посмотрел на статую Бога-Отступника и... тряхнул головой: - Ладно, иди: я сделал для тебя все, что мог. Остальное поймешь... или не поймешь сам.

От него веяло сочувствием. Искренним и до ужаса сильным. Я прикоснулся левой рукой к медальону, сделал шаг к калитке и... остановился:

- Спасибо. Я ценю твою помощь. Просто... я мертв. Уже давно. И безумно устал от того, что ты называешь жизнью.

- Что ж, быстрого Посмертия тебе, Идущий! - выдохнул жрец. И добавил что-то непонятное: - И благословения Светлой половины Дзуликого.

- Иду, - стряхнул с себя оцепенение я и вошел в грязный и жутко воняющий нечистотами коридор.

С душераздирающим скрипом закрылась дверь. Глухо лязгнул задвигающийся засов. Щелкнула дужка навесного замка, и из малюсенького смотрового окошка раздался облегченный вздох.

«Ну да, довел. И почти без проблем...» - мысленно усмехнулся я, растер слегка затекшие запястья и обвел взглядом камеру, в которой мне предстояло дожидаться суда.

Десять на двенадцать локтей. Испещренные надписями и рисунками каменные стены. Небольшое зарешеченное окошко под самым потолком. Четыре ряда узких трехъярусных нар. Нависающий над головой потолок и зловонная дырка в полу в дальнем правом углу камеры, если смотреть от входной двери.

Кстати, над этой самой дыркой в позе орла восседал седовласый мужик с покрытым оспинами лицом. И при этом грозно хмурил брови. Видимо, чтобы выглядеть как можно страшнее.

Мельком отметив, что он держится уж очень уверенно, я оглядел остальных сокамерников и мысленно восхитился: меня подсадили к Серым! У большинства которых наверняка хватало причин, чтобы не любить слуг Дзуликого.

Тем временем седовласый опростался, подтерся куском тряпки, встал, подтянул штаны и царственно прошел в левую половину камеры. Потом сел на *белые* [20] нары, скрестил руки на груди и соизволил меня заметить.

Видимо, его взгляд был каким-то знаком, так как с места над его головой тут же раздался голос кого-то из первачей [21]:

- Обзовись...

- Кром Меченый. Нелюдь, - буркнул я и неторопливо двинулся к единственному ложу, которое, по мнению Роланда Кручи, мог занимать в камере настоящий мужчина.

Радость, мелькнувшая в глазах местного головы [22] после моего представления, куда-то улетучилась. Уступив место удивлению:

- Ну, и куда ты прешься, отрыжка Дзуликого?

Предложение было слишком длинным - на слове «отрыжка» я оказался рядом с ним. И, наклонившись, вцепился пальцами правой руки в его правую ключицу.

Хрустнуло. Плечо седовласого опустилось на половину ладони ниже. А мои пальцы переместились на шею.

Весил он чуть больше годовалого кабанчика. Поэтому я без особого труда сдернул его с нар и легонечко встряхнул:

- Ты что-то сказал или мне послышалось?

Начавшийся было ропот как отрезало - первачи ждали реакции своего головы. Ибо в моих

словах прозвучал *вызов*.

«Вся жизнь Серых – борьба за место под Дейром, – утверждал Круча. – Со дня вступления в братство Пепла они рвутся вверх. По головам друзей и врагов, по локоть, если не по шею в крови. Они быстро отвыкают бояться смерти, поэтому, общаясь с ними, всегда жди удара. В горло, в спину, в пах. И никогда не показывай своего страха...»

Роланд оказался прав: несмотря на то, что седовласый задыхался у меня в руке и был не в состоянии пользоваться своей правой рукой, он все-таки ударил.левой. Метя мне в подреберье.

Я был готов и встретил его руку весьма жестким блоком. А когда выпавшая заточка звякнула о каменный пол, сломал ему еще и вторую ключицу:

- Ты – слаб. Значит, твое место – на *ветке* [23].

Серого перекосило от бешенства. Но вымолвить хотя бы слово он не смог – чтобы он не смог позвать на помощь, я чуть сильнее сдавил пальцы, а когда он начал хрипеть – отшвырнул его к двери:

- Доползешь. Сам.

Бросок удался на славу – седовласый ударился головой и потерял сознание. А я, повернувшись к остальным Серым, нехорошо ухмыльнулся:

- Посох у меня отобрали. Но я неплохо забираю души и без него.

Как я и предполагал, со сменой главы смирились далеко не все – несколько самых близких друзей седовласого решили устроить мне встречу с Уной [24]. Естественно, не сразу, а под утро, когда, по их мнению, я должен был сладко спать.

Одеял в камере не было, поэтому, скорее всего, мне на голову должны были набросить чью-нибудь рубашку, а потом – как рассказывал Круча, – перехватив сухожилия на локтях и под коленями, втоптать в пол.

Увы, вместо сна я предпочел погрузиться в себя [25] и впасть в ту самую полудрему, пребывая в которой можно было услышать даже биение сердца находящегося рядом человека.

вернуться

20

Белые нары – название самого «почетного» места в камере.

вернуться

21

Кром здесь использует жаргон Гильдии Охранников.

вернуться

22

Голова – командир отряда охранников.

вернуться

23

Место на ветке – то есть над отхожим местом.

вернуться

24

Встреча с Уной – аналог нашего выражения «устроить темную».

вернуться

25

Погружение в себя – местное название медитации.

Движение – момент, когда лежащий надо мной Серый свесил голову вниз, чтобы посмотреть, в каком положении я сплю, – удалось увидеть чуть ли не раньше, чем оно началось. И, вскинув руку, схватить первача за сальные волосы.

Рывок на себя – и он, взмахнув конечностями, смачно шлепнулся на пол между нарами.

– Темной половины Двуликого нет. Я за нее, – зловеще прошептал я, перекатился на бок и одним ударом проломил ему грудину. Потом вырубил лежащего рядом соседа, встал, стряхнул со второго яруса соседних нар еще одну «жертву бессонницы» и сломал ей оба предплечья.

Потом неторопливо сел, взгляделся в темноту, почесал грудь и спокойно улегся на место. Стараясь, чтобы в каждом моем движении чувствовалось как можно больше «лени»:

«Слабого смешивают с прахом. Равному вцепляются в глотку. А того, кто в несколько раз сильнее, – боготворят...»

Не знаю, как насчет боготворения, но все остальные «жертвы бессонницы» тут же сделали вид, что спят. А парочка особо пугливых довольно убедительно засопела.

Я пожал плечами, закинул руки за голову и сладко потянулся:

– Тем, кто не угомонился: следующего лишу Души...

К часу горлицы [26], когда я основательно устал от созерцания досок над головой, за дверью камеры раздалось какое-то странное шкрябанье. И я, оторвав голову от подложенной под нее руки, вопросительно уставился на соседа слева.

Тот начал было чертить отвращающий знак, но потом решил, что мне это может не понравиться. И побледнел:

- Еду несут... Но до нас доберутся еще не скоро...

Я прислушался к своим ощущениям, понял, что изрядно проголодался, и криво усмехнулся, вспомнив, что кормят в тюрьме явно не разносолами.

Так оно, в общем-то, и оказалось – когда в смотровое окошко просунули одиннадцать порций того, что тут называли едой, и я почувствовал их запах, меня аж перекосило: перед тем, как попасть в котел, все ингредиенты блюд успели основательно подгнить...

В общем, для того, чтобы отдать должное такой еде, пришлось вспоминать Кручу и его рассказы о днях, которые он когда-то провел в этой самой тюрьме:

- Кормят в ней омерзительно. В первые дни тебе кажется, что лучше умереть, чем втапкивать в себя эту дрянь. И ты не ешь, надеясь, что тебя скоро выпустят и что этот кошмар закончится. А зря – три-четыре дня без еды – и ты начинаешь слабеть. Сначала эта слабость почти не чувствуется – твои руки еще способны гнуть подковы, а ноги могут проломить ребра трехгодовалому быку. Но вскоре голод, холод, тошнотворный смрад и почти полная неподвижность превращают твои мышцы в расползающиеся под пальцами тряпки. А когда ты, наконец, понимаешь, что надо есть то, что дают, и начинаешь как можно больше двигаться, оказывается, что уже слишком поздно.

Я поел. За себя, за седовласого и за соседа с проломленной грудиной. Потом бросил опустевшие тарелки на пол, чтобы кто-нибудь из сокамерников вернул их разносчику, и улегся на спину, решив заняться упражнениями без движений [27].

Сцепил кисти перед грудью и напряг руки, пытаюсь разорвать хват – двадцать ударов сердца – напряжение, десять – отдых, потом – снова напряжение.

Повторил три десятка раз. Потом свел ладони и начал их сжимать. Перед животом, над грудью и над головой...

Упражнения придумывались и делались легко. Однако через некоторое время я сообразил, что если продолжу в том же духе, то основательно вспотею, а с возможностью выкупаться в тюрьме как-то не очень. Пришлось слегка уменьшить напряжение и увеличить отдых.

Такой вариант оказался лучше – кровь по жилам я разогнал, а взмокнуть – не взмок.

Кстати, оказалось, что тренировка здорово ускоряет крайне неторопливое течение времени: к моменту, когда я перешел к мышцам ног, тень от решетки успела проползти от левого торца двери до моих нар и приготовилась перебраться на стену...

Когда моя фантазия иссякла и я на полном серьезе решил начать все сначала, за дверью раздалось знакомое шкрябанье.

«Опять кормить?» – мысленно спросил себя я. И не угадал: оказалось, что это пришли за мной.

- Ну, где тут у вас Нелюдь? Вытащите его в коридор... – распахнув дверь, рывкнул незнакомый мне тюремщик.

Я удивленно приподнял бровь: судя по постановке вопроса, тюремщик был уверен, что ночью

меня основательно покалечат. Впрочем, через пару мгновений раздумий подозрения в некоем умысле отпали сами собой – я, *черный*, мог попасть в камеру только к таким же простолюдинам. Законопослушных граждан тут было немного. Значит, в камере должны были оказаться либо лесовики, либо городские члены братства Пепла. И у тех и у других хватало оснований для большой и искренней нелюбви. Значит, особой разницы, куда меня подселить, не было...

- Ну, и где он там? – не дождавшись реакции моих сокамерников, сидящих тише воды и ниже травы, заревел тюремщик. И от души шарахнул дубинкой по двери.

- Иду... – Я встал, неторопливо вышел в коридор и вопросительно уставился на низкорослого, но довольно-таки широкоплечего здоровяка.

Тот довольно резво оценил мой рост, стать, почесал затылок и... усмехнулся:

- Выжил?

Я кивнул.

- Ха! Жмых удавится!!! Впрочем, тебя это не касается... Давай-ка, повернись лицом к стене и вытяни руки назад!

Повернулся. Вытянул. Дождлся, пока он защелкнет замок на кандалах, и двинулся в сторону лестницы.

В отличие от вчерашнего толстяка, этот не пытался показать на мне свою силу – шел в нескольких шагах позади и нес какую-то ерунду про свое близкое знакомство с одним из «самых известных слуг Двубликого».

Я не прислушивался – пытался понять, что меня ждет впереди...

Оказалось, что впереди – встреча с королевским дознавателем. Или, как их обычно называли в народе, крысой.

Не знаю, как остальные, а тот, которому поручили расследовать мое дело, на крысу не походил совсем. Тонкий, костистый и чрезвычайно длинный нос, маленькие глазенки, прячущиеся под безволосыми надбровными дугами, лысое темя, жалкие остатки волос на затылке и на редкость тоненькая шейка делали его похожим на дятла, готовящегося вбить клюв в податливую древесину.

- Это ты, что ли, Кром по прозвищу Меченый? – оглядев меня с ног до головы, желчно поинтересовался он.

Я кивнул.

- Интересно, чем это ты так приглянулся десятнику Мехри из рода Ширвани?

- Махри... – поправил я.

Глаза «дятла» удовлетворенно блеснули:

- Хм! Интересно, интересно...

Что интересного было в том, что я запомнил имя этого хейсара, я не понял. Но предпочел

промолчать.

- И при каких обстоятельствах вы познакомились? - не дождавшись реакции на свое замечание, спросил дознаватель.

Смысла не отвечать на этот вопрос я не видел, поэтому пожал плечами и усмехнулся:

- Он меня арестовал...

- И все?

- Угу...

- А почему он проявляет такое деятельное участие в твоей судьбе?

Что скрывается под словами «деятельное участие», я не знал и вопросительно приподнял бровь.

«Дятел» понял. И снисходительно объяснил:

- Вместо того чтобы отдохнуть после суток, проведенных во главе патруля на городских улицах, вышеуказанный Махри из рода Ширвани отправился на улицу Сломанных Снопов, нашел дом девицы Даурии и отвез ее не к кому-нибудь, а к лекарю Тайной службы его величества!

- И?

- Надеешься на помилование? - удивленно поинтересовался дознаватель и жизнерадостно расхохотался. Отчего его «клюв» запрокинулся вверх и уставился в потолок.

- Скорее, на справедливость... - подумав, высказался я.

- Похвально, похвально... - перестав хохотать, ухмыльнулся «дятел». - Не так часто встретишь человека, готового отвечать за свои поступки. Что ж, не буду тебя мучить неизвестностью: в результате осмотра, проведенного мэтром Диниссом, установлено, что девица Даурия действительно подверглась насилию. Соответственно, сразу после осмотра ее препроводили к нам, и в настоящее время она находится в одной из пыточных - рассказывает палачам об обстоятельствах, вынудивших ее лжесвидетельствовать против тебя...

вернуться

26

Час горлицы - с 10 до 11 часов утра.

вернуться

27

То есть в статике.

У меня отлегло от сердца: хейсар сдержал слово, данное долинику, да еще и слуге Двуликого.

Видимо, облегчение, которое я испытал, как-то отразилось на лице, так как «дятел» по-птичьи склонил голову к плечу и удивленно поинтересовался:

- А что тебя, собственно, так радует? Да, убивая того, кто ее ссильничал, ты был в своем праве. Но второй-то не виноват! Значит, на тебе убийство дворянина. И не просто убийство, а совершенное оружием *белых* - мечом!

- Второго убил не я, а его друг...

«Дятел» откинулся на спинку кресла и ошалело уставился на меня:

- Не смейся! Ты хочешь меня убедить, что они настолько ошалели от вида прелестей девицы Даурии, что стали рубиться друг с другом?!

- Нет. *Белый* в желто-серых цветах бросил в меня нож. А когда понял, что промахнулся, выхватил меч и прыгнул в атаку. Из-за спин своих товарищей... Тот, которого он зацепил, просто не увидел его удара и нарвался на него... Сам...

- Складно излагаешь... Я аж заслушался!

- Я не лгу. Осмотрите рану на его шее. Любой воин, знающий, с какой стороны братья за меч, расскажет вам, откуда пришелся удар.

- А какой смысл? У меня восемь... нет, девять свидетелей! И все девять готовы поручиться честью, что его убил ты. Мечом, выбитым из рук барона Фарко Эддиера.

Я криво усмехнулся:

- Простите, но их слова - наглая ложь. Я могу это доказать прямо сейчас. Раз вы говорите, что они готовы поручиться честью, значит, все они - дворяне. Девку ссильничали на задворках, где *белые* не появляются никогда. А если бы и появились, то вместо того, чтобы смотреть на происходящее, вмешались бы в бой. Или постарались бы остановить насилие. Опять же, я - простолюдин и не имею права на меч. Что я, совсем дурак - идти на смерть ради какой-то девки?

«Дятел» раздул ноздри, прищурил глаза и в мгновение ока стал похожим на грифа:

- Решил позапираться? Зря: приговора это не изменит, зато доставит тебе массу пренеприятнейших ощущений...

Глава 4

Брат Ансельм, глава Ордена Вседержителя

Седьмой день четвертой десятины третьего лиственя

К вечеру ощутимо похолодало, и к концу Покаяния [28] брат Ансельм, как и все остальные монахи, облаченный в одну только власяницу [29], начал замерзать. Не помогали ни войлочный коврик, предусмотрительно постеленный под ноги, ни струя теплого воздуха, вырывающаяся из не приметной дыры в полу и согревающая колени, ни довольно крепкое тирренское вино, стараниями Бенора оказавшееся в чаше вместо предписанной ритуалом колодезной воды.

«А ведь когда-то я считал, что холод - это испытание Духа. И искренне радовался, что способен

часами молиться, стоя на коленях на покрытом изморозью каменном полу... – дочитав последние слова проповеди, угрюмо подумал глава Ордена Вседержителя. – Каким же я был наивным!»

Тем временем хор мальчиков-послушников тоненько затянул «Славься, Вседержитель, в веках», и коленопреклоненная паства, на миг забыв о существовании брата Ансельма, в едином порыве перевела взгляды на писанный лик Бога-Отца.

Вседержитель стойчески выдержал их мысленную мольбу о прощении, спасении и направлении на путь истинный и от мироточения воздержался. Видимо, не увидел в очередном дне, прожитом его паствой, ничего особенного.

Паства опустила взгляды и вздохнула. А потом слитно грянула последнюю строку исполняемого гимна. То ли для того, чтобы согреться, то ли чтобы поддержать певцов.

Могучий рев полутора сотен луженых глоток вознесся к куполу центрального зала Обители и, отразившись от многочисленных фресок с изображением жития господня, затих. И в этот же самый момент пропал и последний лучик солнца, освещавший божественный лик через малюсенькое окошечко под самым куполом.

Мысленно похвалив себя за идеально точное следование церемонии, брат Ансельм медленно оторвал правую длань от Изумрудной Скрижали и торжественно произнес:

- Да разгонит Тьму Неверия Истинный Свет, сияющий в наших душах, братья!

- Во имя Господа!!! – патетично воскликнули монахи. И гордо вскинули головы, словно представляя, как освещают наступившую Тьму светом Веры.

Впрочем, почему «словно»? Они действительно представляли. Все до единого. Ибо истово верили в то, что люди созданы Богом-Отцом именно для того, чтобы мир не поглотила Ночь.

В нише справа еле слышно чиркнуло кресало. И пламя свечи, зажженной рукой брата Магнуса, осветило белую власяницу брата Ансельма и его одухотворенное лицо...

Как обычно, последнее мгновение проповеди глава Ордена использовал во весь перестрел [30]: в полутора сотнях восторженных взглядов успел углядеть аж три сомневающих! И мысленно поморщился: братьев-надзирающих, работавших с этой троицей, требовалось наказать. Если, конечно, в их действиях не было *умысла*...

Не успели Врата Света сомкнуться за его спиной, как на плечах возникла меховая накидка. Закутавшись в нее поплотнее, Ансельм чуть не застонал от удовольствия – она оказалась подогретой!

- Ваше преподобие, позвольте, я помогу вам обуться? – сложившись в поклоне, поинтересовался брат Бенор.

- Разрешаю... – Глава Ордена Вседержителя вдел ноги в горячие войлочные постолы.

- Ветер с полуночи. И небо затягивает облаками... – встав с коленей, доложил помощник. – Значит, ночью, скорее всего, пойдет дождь, а под утро подморозит. Поэтому я позволил себе растопить камин в вашей опочивальне...

- Правильно сделал, – улыбнулся Ансельм, представил себе жар, идущий от полыхающих

бревен, и, сорвавшись с места, быстрым шагом двинулся по коридору.

Брат Бенор засеменил следом. И, понизив голос, виновато вздохнул:

- У сестры Кании начались дни очищения. Сестра Карина это подтвердила. Вы были заняты, и я взял на себя смелость поднять к вам в покои сестру Одалию.

Глава Ордена Вседержителя остановился, вопросительно изогнул бровь и уставился на помощника:

- Одалия - это которая?

- Та, которую вы изволили назвать светоносной [31]...

Вспомнив волнующие изгибы фигуры этой воистину светоносной сестры, глава Ордена ощутил, как в его чреслах начинает разгораться огонь.

- А она *готова*? - спросил он, заранее зная ответ.

- Да, ваше преподобие! Брат Годрим закончил с ней еще в обед, и теперь она жаждет одарить вас теплом своей души...

- Тогда поспешим, - усмехнулся брат Ансельм. - Негоже заставлять девушку ждать...

Без малого четыре сотни шагов, разделяющих главный зал Обители с покоем главы Ордена, Ансельм преодолел за считанные минуты. И, влетев в услужливо распахнутую Бенором дверь, аж застонал от удовольствия: в покоях было жарко!

Скинув с плеч накидку и стряхнув постолы, он подскочил к столу, подхватил кубок с белогорским и сделал несколько глотков:

- Славься, о Вседержитель!

- Воистину... - эхом отозвался брат Бенор.

- Ужин, как обычно, потом... - поставив кубок на место, выдохнул Ансельм, в два прыжка оказался рядом с дверями в опочивальню, рванул их на себя и чуть не задохнулся от восхищения: на черных, как ночь, простынях сияло молочно-белое пятно - девичье тело, достойное быть воспетым в балладах самого маэстро Бенуа.

Представив Золотой Голос Белогорья, пялящийся на *его* Одалию, брат Ансельм почувствовал ревность. И мысленно прошипел: «Ну уж нет! Пусть воспевают кого-нибудь еще. А я как-нибудь обойдусь без его песен о моей женщине...»

Тем временем сестра Одалия, игравшаяся с непослушным локоном, как бы невзначай коснулась им самого кончика темно-коричневого соска и, подняв взгляд на хозяина опочивальни, облизала острым язычком ярко-алые губы.

Ансельм сглотнул, рванул ворот власяницы... и почти сразу же почувствовал, как под его коленями проминается покрывало, как его взгляд тонет в глазах светоносной сестры, а в пальцах его правой руки трепещет теплая, тяжелая и упругая девичья грудь.

вернуться

Покаяние – вечерняя проповедь.

вернуться

Власяница – длинная рубашка из волос или козьей шерсти.

вернуться

Во весь перестрел – выражение, аналогичное нашему «на всю катушку».

вернуться

Светоносная – местное прозвище блондинок.

– Ты сводишь меня с ума... – хрипло выдохнул он, склонился над девушкой и впился в ее губы поцелуем...

Губы сестры Одалии пахли земляникой. И не только пахли – лобызая их, Ансельм явственно чувствовал сладость свежесобранных ягод и наслаждался их вкусом. Ощущения были такими волнующими, что он уделил губам Одалии целую вечность. И оторвался от них только тогда, когда понял, что *его* женщина пытается отстраниться.

Отпустил. Перевел дух. Увидел рядом темный, почти черный сосок и вдруг сообразил, что все время, проведенное рядом с этим роскошным телом, ограничивался одними только поцелуями!

Смял грудь. Медленно развел в стороны молочно-белые колени. Скользнул рукой к лону и вдруг ощутил на языке легонький, едва ощутимый привкус мяты...

«Несушка» [32]?! – мгновенно оказавшись на ногах, мысленно взвыл он. И... поймал удовлетворенный взгляд сделавшей свое дело девицы!

– Годрим, паскуда! – зарычал он. – Сгною!!!

– Если успеешь... – усмехнулась сестра Одалия и... демонстративно свела колени!

Глава Ордена рванул ее голову на себя, развел пальцами веки и криво усмехнулся: даже в свете догорающих свечей было видно, что белок обоих глаз красавицы испещрен «звездами забвения» – алыми точками на месте полопавшихся жил [33].

– Ну да! Мне осталось минут пятнадцать-двадцать. От силы – полчаса... – кивнула Одалия. – Так что тащить к палачам бессмысленно: я уйду к Вседержителю раньше, чем они до меня дотронутся...

- Ты уйдешь к Двубликому, дура!!! - взбесился Ансельм.

- Да какая разница? - усмехнулась она, игриво убрала со лба непослушную прядь и заложила ее за ухо. - Главное, что ты отправишься следом за мной...

- В помаде - «Поцелуй Черной Вдовы»? - уточнил Ансельм.

- Он самый. - Девушка провела язычком по губам и ехидно сморщила носик. - И этот поцелуй был последним поцелуем в твоей жизни... Скажи, тебе сейчас, наверное, жутко страшно?

- Не последний. И не страшно, - оскалился глава Ордена Вседержителя и снова припал к губам сестры Одалии!

Та затрепыхалась, попыталась вырваться - но не тут-то было: Ансельм был намного сильнее. Поэтому наслаждался мягкостью ее губ, нехотя оторвался, дал ей отдышаться и припал губами к соску.

Поцеловал. Почувствовал, как тот начал пробуждаться, и ухмыльнулся:

- И даже не предпоследний...

- Противоядия к «Поцелую Черной Вдовы» нет!!! - пытаюсь отстраниться, взывала девушка.

- Нет... - удержав ее на месте, согласился он. А потом заставил ее развести колени: - Однако к нему можно привыкнуть.

Сестра Одалия ошиблась - первые признаки приближающейся к ней смерти Ансельм почувствовал только минут через сорок. К этому времени он успел удовлетворить свою похоть всеми известными ему способами, поэтому, ощутив, что девушку начало трясти, нисколько не расстроился - спокойно встал с кровати, отогнул в сторону ковер и скинул истерзанное тело на каменный пол.

- Ты... все равно... умрешь... - зачем-то прикрыв одной ладонью лоно, а второй - искусанную грудь, прошептала девушка.

- Умру, - кивнул монах. - Но не сегодня. Кстати, ты была восхитительна! Я буду помнить о тебе всю свою очень долгую жизнь.

- Тварь!!! Изверг!!! Животное!!!

- Ты повторяешься. Придумай что-нибудь еще.

- Я тебя ненавижу!!!

- И это ты уже говорила...

Девушку выгнуло дугой. Несколько мгновений она билась в судорогах и исходила пеной, а потом, не успев толком перевести дух, прохрипела:

- Да падет на тебя Проклятие Двубликого!!!

Один из желто-серых клочьев пены, сорвавшись с ее губ, упал на пол в полтора пальцах от ковра. Брат Ансельм вскочил, на всякий случай отодвинул его к стене, вернулся на кровать и с

сочувствием посмотрел на Одалию:

- Открою тебе страшную тайну: богам нет дела ни до нас, ни до наших бед. Приблизительно так же, как и нам нет дела до проблем муравьев или кузнечиков. Говоря иными словами, для богов мы слишком ничтожны, чтобы у них появилось желание прислушиваться к нашим мольбам.

- Ты богохульник!!!

- Угу. И это - лучшее доказательство того, что я прав: если Вседержителю нет дела до мыслей главы своего собственного Ордена, то на остальных ему вообще наплевать!

- Тебя про... проклянут все бо... боги Горгота!!! - закатив глаза, прошипела девушка. И забила в новом приступе. На этот раз - в намного более сильном, чем первый: ее ломало так, что Ансельму пришлось спрыгнуть с кровати, связать ей руки и заткнуть рот, чтобы ее вопли не перебудили всю Обитель.

Справился. Невесть как умудрившись не перемазаться в пене. Потом выждал, пока она придет в себя, и усмехнулся:

- Как видишь, до сих пор не прокляли... Кстати, третий приступ будет еще более болезненным...

Сестра Одалия помертвела и... заплакала! Сразу превратившись из красавицы в жуткое зареванное чудовище.

Впрочем, отворачиваться от нее было еще рано: Ансельм опустился на колени, вытащил из-под кровати небольшой сундучок, достал из него склянку с плотно притертой крышкой и показал ее сестре Одалии:

- Посмотри-ка сюда! Это - «Касание Безмолвия». В отличие от «Поцелуя Черной Вдовы», оно убивает мгновенно и абсолютно безболезненно. Если скажешь, кто тебя послал, - я подарю тебе легкую смерть.

Через два часа после смерти сестры Одалии глава Ордена Вседержителя, наконец, отлип от зеркала и облегченно перевел дух - «звезды забвения» так и не появились.

- Моя предусмотрительность очередной раз спасла мне жизнь, - удовлетворенно выдохнул он, заглянул в опустевший кувшин и заревел: - Бе-е-ено-о-ор!!!

Через десяток ударов сердца дверь еле слышно заскрипела, и в комнате возникла сгорбленная фигура его правой руки:

- Да, ваше преподобие?

Вглядевшись в глаза монаха и не увидев в них ни любопытства, ни возмущения, ни жалости к валяющемуся на полу бездыханному телу, Ансельм мысленно похвалил себя за правильный выбор помощника и отрывисто бросил:

- Распорядись, чтобы накрыли на стол. Убери труп. Потом пригласи ко мне в кабинет Рона и Ламма.

Бенор сложился в поклоне и пропал. Так, как будто его и не было.

Еще раз заглянув в зеркало и придирчиво осмотрев белки глаз и внутреннюю поверхность век, Ансельм привычно осенил себя знаком животворящего круга, посмеялся над вьевшимися в плоть привычками и пошел одеваться – представлять перед иерархами в чем мать родила было бы верхом неуважения. Прежде всего, к самому себе.

Оделся. Обулся. Вышел из опочивальни, задумчиво уставился на мерную свечу и по-простецки почесал затылок: дело шло к полуночи, то есть иерархи, скорее всего, уже спали.

- Ничего, проснутся. Я же не сплю! – Он невесть в который раз за вечер посмотрел на свои пальцы и окончательно успокоился: трястись они перестали. Совсем. Значит, Темная половина Дзуликого, заглянувшая в Обитель, наконец-то убралась восвояси.

- Ваше преподобие, ужин сейчас принесут! – вынырнув из-за портьеры, доложил Бенор. – Вы позволите проводить вас в трапезную?

- Дойду сам. Займись телом в опочивальне.

Помощник кивнул и исчез за дверью. А Ансельм, почесав скулу, подошел к окну и уставился на факел, торчащий из держателя у входа в исповедальню.

«Ну вот, опять кто-то почувствовал себя виноватым... – криво усмехнулся он. – Небось, возжелал скромного или кому-то позавидовал. А отец-исповедник должен просыпаться и нестись через всю Обитель, чтобы выслушивать бред, который не стоит и гнutoго копыя [34]. Муравьи, воистину муравьи. Впрочем, о чем это я? Эти мелкие проблемы – их жизнь! А пока они ими живут, мы, боги, можем делать все, что захотим...»

Глава 5

Кром Меченый

Седьмой день четвертой десятины третьего лиственя

Вторая ночь в тюрьме тянулась бесконечно долго. Я таращил глаза в темноту, прислушивался к происходящему в коридоре и холодел от любого звука, доносившегося через смотровое окошко.

вернуться

32

«Несушка» – местное выражение. Аналог нашего «человек с двойным дном».

вернуться

33

Жила – местное название кровеносных сосудов.

вернуться

34

Копье – мелкая серебряная монета.

Нет, криков пытаемых до шестого этажа не доносилось. Однако для того, чтобы покрыться холодным потом, мне хватало скрипа открывающихся решеток, голоса какого-нибудь тюремщика и даже чьего-нибудь приглушенного кашля.

«За мной...» – обреченно думал я и невесть в который раз с момента окончания допроса вспоминал Роланда Кручу и его рассказ о королевских палачах и способах, которые они используют для того, чтобы сломать арестанта.

- Знаешь, я не верю в то, что человек, попавший в руки палача, способен что-либо утаить... – глядя в пламя костра невидящим взглядом, глухо пробормотал он. – Эти люди – настоящие мастера своего дела. Они способны заставить тебя признаться даже в том, что ты никогда не делал.

- Что, оговорить себя? – недоверчиво спросил я.

- И себя, и друзей, и родственников, – не глядя на меня, угрюмо буркнул он. – Причем так, как надо ИМ.

Я представил себе, что оговариваю Ларку, и фыркнул: Роланд говорил чушь. Причем редкостную.

Услышав мое фыркание, Круча зябко повел плечами, потом подкинул в костер пару поленьев и посмотрел на меня... с сочувствием:

- Порог тюрьмы – это грань между двумя мирами. Миром живых и миром мертвых. Те, кто ее переступают, в одночасье лишаются всего того, что считали жизнью, и довольно быстро начинают растворяться в безвременье.

Последнее предложение звучало слишком красиво, чтобы в него можно было поверить. И я улыбнулся:

- А вместе с ними, конечно же, растворяются их мужество, умение переносить боль и все остальное.

Роланд... кивнул:

- Да. Именно так! Только смеяться тут я бы не стал. Не над чем: тюрьма – это действительно другой мир. Первое, что ты ощущаешь, оказавшись в камере, это отсутствие времени: минуты тянутся, как часы, а часы превращаются в вечность. И это – не пустые слова: в королевской тюрьме окна есть только на шестом этаже. А те, кто оказывается на первых пяти или в подземельях, не видят ни смены дня и ночи, ни смены времен года... Чем очень неплохо пользуются палачи...

- Каким образом?

- Душа любого человека чем-то похожа на здание. То, что он видит вокруг себя – небо, землю, солнце и даже людей, – это фундамент. Жизненный опыт, навыки, знания и черты характера – это стены. Вера в богов – крыша. Так вот, прежде чем заняться твоим телом, палачи вдребезги разрушают это здание. А потом берутся за обломки...

- Н-не понял?

- Ты привык есть дважды или трижды в день? Там тебя будут кормить один раз в сутки. Или раз в два дня. Причем промежутки между кормлениями будут разными. Чтобы хоть как-то ориентироваться во времени, ты начнешь обращать внимание на смену тюремщиков и... ничего не добьешься: их меняют, как Двуликий на душу положит. Попытка прислушиваться к своим потребностям тоже ничего не даст – в этом мире ты не сможешь нормально двигаться. Поэтому твое тело не будет уставать и требовать сна.

- А что, потерять ощущение времени так страшно?

- Само по себе – нет. Поэтому одновременно с этим тебя заставят забыть об окружающем мире, научат опасаться людей и лишат возможности думать о чем-то, кроме пыток. – Круча поскреб подбородок, взгляделся во тьму между деревьями и сплюнул: – Если ты не совершил ничего из ряда вон выходящего, то между сообщением о том, что тобой займутся палачи, и встречей с ними обычно проходит несколько дней. Все это время ты вслушиваешься в крики пытаемых, взглядываешься в истерзанные тела соседей по камере и примеряешь испытанное ими на себя. Если у твоего соседа по нарам окажутся вырванными ноздри, то ты невольно начнешь прикасаться к своим. И чуть ли не каждую минуту будешь представлять ту боль, которую испытаешь, когда палач возьмет одну из них клещами и рванет на себя. Увидев след от ожога, ты не одну сотню раз представишь себе прикосновение раскаленного прута или клейма. А при каждом взгляде на гноящиеся впадины на месте чьих-то глаз ощутишь дикий, ни с чем не сравнимый ужас и начнешь взглядываться во все, что видишь, чтобы запомнить этот мир...

- То есть я буду думать только о пытках и начну бояться боли еще до того, как ее испытаю?

- Да... – кивнул Роланд. – Поэтому, услышав звук шагов в коридоре, ты начнешь покрываться холодным потом, вжимать голову в плечи и молить всех известных тебе богов, чтобы тюремщики шли не за тобой. Увы, боги будут смотреть куда угодно, но не на тебя: рано или поздно ты услышишь свое имя и... сделаешь первый шаг к тому, чтобы потерять Веру...

Нарисованная им картина выглядела жутковато, но не более. И я, довольно быстро найдя выход, непонимающе уставился на Кручу:

- Но ведь человек, разуверившийся в милосердии богов, всегда может уйти!

- Может, – криво усмехнулся Голова. – Но желающих лишиться не только жизни, но и Посмертия не так немного...

Перед моими глазами тут же возникло личико Ларки, и я с хрустом сжал кулаки: Роланд был прав – потерять и жизнь, и возможность воссоединиться с родными хотя бы после смерти было бы невыносимо.

- После потери души ты начнешь думать о своем теле. О том, что, потеряв большие пальцы рук или сами руки, ты превратишься в обузу для семьи. Лишившись ног – в обрубок, incapable самостоятельно передвигаться. Естества – в бесполое существо, не нужное даже самому себе. И... начнешь размышлять о том, что бы такого на себя наговорить, чтобы как можно быстрее прекратить эти мучения и оказаться на эшафоте.

Не знаю, как насчет размышлений о самооговоре, а насчет ожидания тюремщиков Роланд оказался прав – всю ночь до самого рассвета я вслушивался в происходящее за пределами

камеры и пытался представить то, что меня ждет.

Когда стена рядом с входной дверью начала сереть, мне стало немного легче, и я попробовал погрузиться в себя. Однако стоило мне начать упражнение на сосредоточение, как у соседа сверху начался горячечный бред. И к его беспрестанным стонам, одышке и хриплому кашлю, к которым я уже худо-бедно привык, добавилось неразборчивое бормотание, изредка перемежаемое вскриками.

Представлять себе горящую свечу и не думать об окружающем мире, слыша эти вопли, оказалось выше моих сил. Поэтому, мысленно обругав себя за то, что сломал Серому грудину, а не позвоночник, я открыл глаза и мрачно уставился в доски над головой.

Через некоторое время сверху донесся захлебывающийся кашель и полухрип-полустон:

- Спаси-хр-р-р и сохрани... кхе-кхе-кхе... Вседержитель...

Я мысленно усмехнулся: Серый вспомнил о Боге! О том самом, которого отринул, выйдя в ночь [35] и взяв чужое добро или первую жизнь [36].

- Кончается, бедняга, - еле слышно выдохнул кто-то слева. И испуганно затих. Видимо, решив не будить лихо.

Лихо подумало, представило себе возможные перспективы [37] в случае смерти соседа сверху, «проснулось» и, вместо того, чтобы наказать того, кто потревожил его сон, распорядилось переложить «беднягу» куда-нибудь поближе к ветке.

Судя по недовольному сопению сокамерников, встать с нар, чтобы перенести покалеченного товарища в противоположный угол камеры им не очень-то и хотелось. Однако отказываться выполнять мой приказ желающих не оказалось - не прошло и трех десятков ударов сердца, как хрипящее тело оказалось по соседству с седовласым.

Удостоверившись, что «носильщики» вернулись на свои места, а не подкрадываются ко мне с желанием отомстить за ранний подъем или что-нибудь еще, я перевернулся на спину и начал разминать шею.

Эдак к середине тренировки, когда я перевернулся на живот, зацепился пальцами ног за край нар и прогнулся в спине, лязгнула заслонка над смотровым окошком, и заглянувший в камеру тюремщик угрюмо приказал всем оставаться на своих местах.

Серые не возражали. Я - тем более. И успокоенный нашим послушанием вояка загромыхал замком.

вернуться

35

Выйти в ночь - аналог нашего «выйти на большую дорогу».

вернуться

36

Взять жизнь – убить.

вернуться

37

Кром имеет в виду физиологические реакции тела на смерть.

Распахнув двери и взглядевшись в полумрак, царивший в камере, Жмых – тот самый жирняга, которого я обещал проклясть, – поднял факел повыше, уткнулся взглядом в мое лицо и... виновато вздохнул:

- Я, это... за тобой! Ну... ты давай... Вставай, и... к стене... И руки того-сь... ну-у-у... назад... Ладно?

В голосе тюремщика так явственно звучало нежелание меня куда-то вести, что я не смог над ним не подшутить:

- Лениво... Видишь, я отдыхаю.

Жирняга вытаращил глаза, сглотнул, смахнул со лба капельки пота и... уставился в пол:

- Ты... эта-а-а... не дури! Мэтр Марек и так зол на весь Горгот.

- А чего зол-то? – лениво потянувшись, спросил я.

- Дык подняли его ни свет ни заря. Вот и бесится.

- Прямо как меня... – усмехнулся я и почесал щетину на подбородке. – Взбеситься, что ли? А кто поднял-то?

- Его милость господин Шайгер, – громким шепотом сообщил тюремщик. И... побагровел, сообразив, что отвечает на вопросы заключенного, вместо того чтобы вести его туда, куда приказали!

- Ладно, Жмых, не дергайся, – миролюбиво улыбнулся я. – Пойду я к твоему Мареку. Но сначала отолю.

Пока я справлял естественные потребности, жирняга хмурил брови и пристально вглядывался в лица моих сокамерников – видимо, искал причину, чтобы сорвать злость. А когда я закончил, тут же забыл про их существование и виновато уставился на меня:

- Руки... эта-а-а, подставь...

Подставил. Дал ему защелкнуть кандалы и неспешно вышел в коридор. Стараясь ничем не выдать своего страха перед будущим.

Попросив меня подождать, Жмых торопливо закрыл дверь, задвинул засов, вддел на место замок и дважды повернул в нем ключ. Потом захлопнул задвижку на смотровом окошке и глухо проворчал:

- Слышь, Меченый, ты... эта-а-а, не держи на меня зла, ладно? Я человек служивый. Делаю,

что прикажут.

- Ладно, - кивнул я. И, не дожидаясь приказа, двинулся в сторону лестницы.

Обрадованный моей покладистостью, жирняга ощутимо расслабился и громким шепотом сообщил:

- Ты, эта-а-а, когда пытаться начнут, лучше терпи. Мэтр Марек не любит трусов. А тех, кто ведет себя как мужчина, мучает не так сильно.

По спине потекли капельки холодного пота: «дятел» решил поторопиться и обойтись без разрушения души.

- Так Марек - палач? - стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более равнодушно, поинтересовался я.

- Угу... Да ты о нем слышал - его обычно называют Душегубцем.

Слышал. И даже видел - на Лобной площади Аверона во время казни шайки Волчары Старза. Правда, в тот день мэтр Марек скрывал лицо под алым капюшоном, поэтому я запомнил не черты его лица, а особенности фигуры. И, конечно же, продемонстрированную им филигранную технику владения ломиком, клещами и топором.

Пока я вспоминал кажущуюся легкость движений королевского палача и чудовищную силу его ударов, мы спустились в подвал, углубились в темный, освещенный единственным факелом, коридор и вскоре оказались перед широченной двустворчатой дверью, из-за которой тянуло о-о-очень неприятными запахами.

- Спаси и сохрани тебя... э-э-э... Двудикий! - шепотом «благословил» меня тюремщик. И, толкнув одну из створок, молодецкато гаркнул: - Заключенный Кром по прозвищу Меченый доставлен!!!

- Давай его сюда, - ухнуло ему в ответ, и я, не дожидаясь уговоров, вошел в пыточную.

Первой мыслью, посетившей меня, стала мысль о том, что владения Душегубца мало чем отличаются от владений Бразза-кузнеца - что у одного, что у другого нельзя было ступить и шага, чтобы не наткнуться на какой-нибудь стол, столик или поддон с инструментами, не смахнуть со стены какую-нибудь железяку и не напороться на жаровню или подвешенные к потолку меха. Хозяева кузницы и пыточной тоже смотрелись одинаково - как и мастер Бразз, мэтр Марек предпочитал работать в кожаном фартуке на голое тело, в кожаных шоссах и войлочных сапогах. А еще и тот и другой коротко стригли волосы, брили бороды и усы и постоянно что-то вертели в руках - Борода предпочитал молоток, а Душегубец, видимо, клещи. Впрочем, стоило мне принюхаться, как это ощущение похожести тут же пропало - в отличие от кузницы, в пыточной пахло не углем и железной окалиной, а кровью и нечистотами.

Дав мне время оглядеться, ее хозяин щелкнул пальцами, и ко мне метнулись два высоченных здоровяка, до этого расслабленно стоявших по обе стороны от входной двери. Споро освободив меня от кандалов и заломив мне руки, они в мгновение ока доволокли меня до кресла с высокой спинкой, стоящего перед очагом, и ткнули меня носом в покрытое шипами сиденье...

- Знаешь, что это такое? - раздалось справа-сзади.

- Трон короля Якуна, - ответил я.

- Пра-а-авильно, - довольно протянул Душегубец. - А посидеть на нем хочешь?

- Нет.

- А придется!!! - тоненько проверещало слева, и я, повернув голову, увидел до безобразия довольное лицо «дятла», сидящего за низеньким столиком рядом с вертикальной дыбой.

- С чего это вдруг? - постаравшись, чтобы в моем голосе не было страха, «удивленно» спросил я. - О том, что я - Бездушный, вы знаете не хуже меня. Значит, вместо того, чтобы выбивать из меня признания, вы должны провести полноценное расследование, допросить с пристрастием всех имеющихся у вас свидетелей и доложить о результатах одному из членов Внутреннего Круга короля Неддара Латирдана...

Дознаватель опешил. Видимо, не ожидал, что слуга Дзуликого способен связно изложить принципы особого судопроизводства. А я тем временем продолжил. В том же духе:

- Поэтому, если вы не горите желанием оказаться на этом же троне сразу после меня, то прикажите своим помощникам найти кресло поудобнее...

Чтобы прийти в себя и подобрать отвалившуюся челюсть, «дятлу» потребовалось не так много времени - не успел я договорить последнюю фразу, как он изобразил восхищенную улыбку и приказал громилам дать мне выпрямиться.

Те повиновались. И даже повернули меня так, чтобы я оказался лицом к столу.

Тем временем дознаватель изобразил в воздухе еще один жест, и за моей спиной неприятно лязгнуло.

Оглянуться мне не дали - один из громил сомкнул пальцы у меня на затылке и легонечко потряхнул:

- Сма-а-ари вперед!!!

Я пожал плечами и усмехнулся:

- Хорошо...

Лязгнуло еще раз. Потом я услышал звук шагов, увидел, как на лице «дятла» расплывается довольная усмешка, и изо всех сил стиснул зубы - дознаватель знал, как обойти закон! И явно собирался этим воспользоваться!

Глава 6

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Седьмой день четвертой десятины третьего лиственя

- А вот и ваши покои... - с явным трудом отворив массивную дверь, которую было бы затруднительно вынести даже тараном, чопорно произнес мажордом. - Прощу, ваша милость...

«Небось, еще одна темница. Просто расположенная не в подвале, а на четвертом этаже...» - угрюмо подумала я, вплыла в комнату и... на несколько мгновений отвлеклась от мыслей о Кроме.

Гостиная – а, судя по отсутствию кровати, это была именно она – выглядела роскошнее, чем иные залы королевского дворца! Потрясающей красоты ковер, устилающий пол от стены и до стены. Полированные стены из серого мрамора и красной яшмы, увешанные огромными картинами в позолоченных рамках. Высоченный потолок, покрытый лепниной и украшенный потрясающе красивыми фресками. Камин, в котором, при желании, можно зажарить кабана. Изысканная мебель, подсвечники, шторы...

– Это – зал для приемов, – гордо сообщил мажордом. – За дверью слева – кабинет. Справа – гардеробная, а слева – комната для омовений и опочивальня...

«А у Меченого всего этого нет. Только голые стены, покрытые плесенью и бурными потеками, холодный каменный пол и дверь, запирающаяся снаружи...» – горько подумала я и несколько раз моргнула, чтобы удержать наворачивающиеся слезы.

В этот момент портьера, занавешивающая дверь по правую руку от меня, шевельнулась, и передо мной предстала на редкость неприятная тетка листовеней эдак сорока – сорока пяти.

Присев в изысканном реверансе, она почтительно склонила голову... и зыркнула на меня исподлобья взглядом, за который у нас в замке получила бы плетей.

– Магда... – представил ее мажордом. – Ваша служанка...

Настроение у меня было не очень. Поэтому, окинув взглядом ее замысловатую прическу, костистое лицо, крючковатый нос, белые, презрительно поджатые губы и раздвоенный подбородок, «увенчанный» парой здоровенных черных родинок с торчащими из них седыми волосками, я пришла к выводу, что она похожа не на служанку, а на тюремщика. На такого же, как те, которые охраняют Крома...

– Бочку наполнили, ваша милость... – процедила «тюремщица». – Позвольте вас проводить...

Я сделала шаг к двери и остановилась, засомневавшись, должна ли я, как гард'эйт Крома, нежиться в горячей воде, если он, находящийся в тюрьме, не имеет такой возможности...

Увидев выражение моего лица, Магда презрительно фыркнула – видимо, решив, что я – деревенщина, моющаяся раз в год или того реже!!!

Я застонала. Мысленно. Представив себе, какие слухи поползут по столице в ближайшие дни:

«Порченная Бездушным, сумасшедшая, да еще и не моется!!!»

Тем временем служанка изобразила сочувствие и «понимающе» вздохнула:

– Я понимаю, вам пока не до мытья... Что ж, тогда я прикажу вылить воду и...

Не удостоив ее ответом, я медленно повернулась к мажордому и высокомерно поинтересовалась:

– А что, в вашем доме у каждой дворовой девки – свое собственное мнение?

Тот на миг утратил невозмутимость, волком посмотрел на Магду и начал что-то объяснять. А я смотрела поверх его головы и старательно сдерживала улыбку: до меня, наконец, дошло, как получить возможность хоть изредка выбираться в город!!!

Когда мажордом закончил извиняться за поведение Магды и сложился в куртуазном поклоне,

я скучающе посмотрела в окно и лениво произнесла:

- Завтрак подайте в кабинет... эдак к часу горлицы... К полудню пригласите ко мне куафера... А к часу оленя [38] заложите карету – мне надо съездить в лавку к мэтру Лауну, чтобы примерить и забрать заказанное платье.

Первые два требования мажордом воспринял, как полагается. А третье заставило его напрячься:

- Я могу послать за ним кого-нибудь из слуг...

Я изумленно изогнула бровь и поинтересовалась:

- По-вашему, они смогут его примерить?

- Н-нет, но...

- Тогда заложите карету и обеспечьте мне достойную охрану.

В бочку с водой я все-таки полезла. И не потому, что перестала считать себя гард'эйтмом Крома. Просто в какой-то момент я вдруг поняла, что думаю совсем не о том: человек, отдавший сердце, – не овца, бездумно следующая навстречу смерти, а воин, обязанный защищать своего майягарда от невзгод! Значит, вместо того, чтобы отказывать себе в бытовых мелочах, я должна сосредоточиться на решении единственно важного вопроса: на вызволении Крома из тюрьмы. А для этого надо выглядеть безупречно.

Опустившись в воду, я закрыла глаза, дождалась, пока Магда начнет мыть мне волосы, и погрузилась в раздумья:

«Итак, чтобы вытащить Крома, мне нужно добиться аудиенции у короля Неддара. Причем не абы когда, а сразу после того, как подчиненные графа Грасса подтвердят факт захвата Атерна вассалами Иора Варлана: тогда Латирдан будет чувствовать передо мной вину и не сможет проигнорировать мою просьбу. Кроме того, для того, чтобы он меня услышал, мне каким-то образом надо будет доказать свою нормальность. А значит, раздобыть доказательства того, что Кром меня действительно спасал. Следовательно, прежде чем ехать во дворец, надо узнать, нет ли известий из Атерна, каким-то образом заставить графа Грасса отправить голубей в Меллор, чтобы сотрудники Тайной службы подтвердили факт убийства Серых...»

Додумать мысль до конца мне не дали – справа тихонько скрипнула дверь, и до меня донесся звонкий девичий голосок:

- Ваша милость! Десятник Арвазд из рода Усмаров просит вас уделить ему несколько минут.

- Он – хейсар? – торопливо смыв с лица мыльный корень, уточнила я.

- Да, ваша милость!

- Проводи его в гостиную. И передай, что я скоро буду.

Все время, пока меня одевали, я кусала губы от нетерпения и молила бога о том, чтобы он дал мне возможность переговорить с этим самым Арваздом до возвращения графа Рендалла. Естественно, молила не Вседержителя, а Бастарза, ибо Бог-Отец ни за что не стал бы помогать

кому бы то ни было вытаскивать из тюрьмы слугу Двуликого.

Что интересно, к Богу-Отцу я обращалась без всякого внутреннего сопротивления. Ибо уважала его еще с того времени, как услышала легенду о его сватовстве к Эйдилии [39] и великодушии, проявленном им к своему более удачливому, но менее сильному сопернику.

Бог-Воин явно смотрел на меня, ибо ниспослал ожидающему меня хейсару достаточно терпения, чтобы меня дожидаться.

Когда я переступила порог гостиной, горец стоял у окна и смотрел вдаль. А услышав шуршание моего платья, неторопливо повернулся, пристально посмотрел мне в глаза и склонил голову в приветствии:

- Полной чаши твоему дому и плодovitости лону, ашиара! Я - десятник Арвазд из рода Усмаров.

- Силы твоей деснице и остроты твоему взгляду, - ответила я. - Я - баронесса Мэйнария из Атерна.

- У нас говорят «остроты зору», - поправил меня он. - Но сути пожелания это не меняет. Особенно если говорящий вкладывает в эти слова душу.

Мне было не до тонкостей обмена приветствиями, но, вспомнив рассказы отца о весьма своеобразном отношении хейсаров к беседе, я заставила себя не торопиться и утвердительно кивнула:

- Когда я ем - я ем. Когда я... э-э-э... вышиваю - я вышиваю...

Вообще-то хейсарская притча о разговоре мастера Меча со своим учеником должна была звучать иначе - вместо вышивания мастер говорил о бое. Но воинем я не была, значит, говорить, что вкладываю душу в каждый удар клинка, не могла.

Пока десятник, сообразивший, что я имела в виду, размышлял над тем, как строить беседу дальше, я прошла к одному из кресел, стоящих напротив камина, опустилась на бархатное сиденье и предложила Арвазду располагаться напротив.

Горец отказываться и не подумал - уселся на указанное место с таким видом, как будто всю жизнь сидел в присутствии дворян!

Я удивления не показала. Зато Магда, так и оставшаяся стоять у двери, возмущенно поджала губы и нахмурилась.

«Выставить бы ее в коридор! - угрюмо подумала я. - Да не пойдет - побоится гнева графа Грасса...»

- Ашиара, я - старший сын увейя [40] Бастарза. Хочу поговорить о данной тобой клятве...

«...и о моем сумасшествии...» - мысленно добавила я, нервно постучала ногтями по подлокотникам и заставила себя успокоиться:

- Спрашивай.

- Ты бы не могла повторить мне слова, сказанные Богу-Воину?

- Кром по прозвищу Меченый - мой майягд. Да забудет про меня Снежный Барс [41], если я лгу.

- А когда ты отворила свою кровь? До того, как это сказала, или после?

- До... - ответила я, без колебаний задрала левый рукав и показала ему подживающую царапину.

Воин внимательно посмотрел на нее, мрачно хмыкнул и встал:

- Спасибо. Это все, что я хотел узнать.

- Подожди, - криво усмехнулась я. - Удели мне еще немного времени.

- Зачем? - удивился горец. - Я не могу заставить Бастарза забыть про *такую* клятву. И заставить тебя выполнить свой долг - тоже.

- Я не собираюсь от него отказываться! - вспыхнула я. - Мой майягд столько раз спасал мне жизнь и честь, что это - самое малое из того, что я должна была для него сделать!!!

- Тогда почему ты тут, а не с ним?

- Сядь... Расскажу...

Подумал. Сел. Поудобнее передвинул меч. И вопросительно уставился на меня.

Я набрала в грудь воздуха и начала:

- На пятый день четвертой десятины второго лиственя мой отец получил письмо от короля Шаграта Латирдана. И, наскоро собрав и вооружив воинов, умчался ему на помощь. А в ночь на шестой день замок захватили оранжевые [42]...

вернуться

38

Час оленя - с 2 до 3 часов дня.

вернуться

39

Эйдилия - богиня любви.

вернуться

40

Увей - верховный жрец Бастарза (хейсарский).

вернуться

Снежный Барс – прозвище Бастарза.

вернуться

Оранжевый с черным – родовые цвета рода Варланов. См. 1-ю книгу.

- Ты ничего не путаешь, ашиара? – перебил меня хейсар. – Твой отец... э-э-э... не добрался до Аверона...

- Ты хотел сказать, что он был одним из заговорщиков? Не был! Он действительно ехал на помощь его величеству, но по дороге попал в засаду, устроенную вассалами графа Иора, и погиб. Если ты сомневаешься в моих словах, то можешь спросить у графа Грасса – доказательства того, что моего отца зарубили именно оранжевые, он уже получил. А в ближайшее время он удостоверится и в том, что они захватили Атерн!

- Спрошу, – кивнул Арвазд. – Потом. Рассказывай дальше...

- За несколько часов до нападения в замок въехали жонглеры. Когда отец уехал, мой младший брат, Волод, предложил мне пойти и посмотреть на тех зверей, которых они привезли с собой. Я согласилась и сдуру решила погладить акрида, сидящего в одной из клеток...

- Зачем? – ошалело воскликнул десятник.

- Он был таким красивым, – опустила взгляд я. – А что это рыжее чудо – хищник, я не знала.

- Хм... Пожалуй, чудом я бы его не назвал. Впрочем, если смотреть через решетку клетки, то смотрится он ничего.

- Я так и смотрела, – вздохнула я. – В общем, мне повезло – в каретный сарай, где стояли клетки, как раз вошел Бездушный, прибывший вместе с жонглерами. Он увидел, что я тянусь к акриду, и убил его метательным ножом...

- Ты должна ему жизнь, – без тени улыбки сказал десятник. – Если бы тебя укусил акрид, тебя бы не спас даже ваш «всесильный» Вседержитель...

- Тогда я этого не знала. И в ужасе унеслась в свои покои. А ночью, как я тебе уже говорила, оранжевые захватили Атерн. Брата – убили. Маму сначала ссильничали, а потом, скорее всего... тоже... В общем, то же самое случилось бы и со мной, если бы не Кром – когда начался бой, он пробился к моей спальне и вытащил меня из замка.

- А почему именно тебя?

Я опустила взгляд и пожала плечами:

- Не знаю. До сих пор... Так вот, когда я проснулась и увидела его перед собой, то дико перепугалась и потеряла сознание – он был с головы до ног в крови и держал в руках Посох Тьмы...

В глазах хейсара промелькнуло что-то вроде насмешки. И я взбеленилась:

- Тебя удивляет, что я испугалась? Почему?! Я - девушка, а не воин! А во всех историях, которые я когда-либо слышала о Бездушных, они описывались самыми настоящими зверями: упивались чужой болью, вытягивали в Посох Тьмы души тех, кто попадался им в руки, и сутками мучили свои жертвы! Я искренне верила в эту ерунду и...

- Разве это ерунда? - удивился хейсар.

- Дослушай до конца - и ответишь на этот вопрос сам.

- Хорошо. Рассказывай.

- Выбираясь из замка со мною на руках, Кром был вынужден спрыгнуть со стены в ров с водой. Я была без сознания, поэтому захлебнулась. Он вытащил меня на берег, откачал и унес в лес. А когда я отогрелась у разведенного им костра и начала соображать, поинтересовался, куда меня можно отвести. Я решила, что он выкрал меня из дому для того, чтобы сделать из меня ключ, и решила идти туда, где с ним точно справятся - в замок графа Грасса.

- Он же был захвачен людьми графа Иора?

- Да. Был. Но мы узнали об этом, когда въехали на постоянный двор в Сосновке. А по дороге до Сосновки Кром еще трижды спас мне жизнь - когда мы столкнулись с нашим духовником и слуга Ордена Вседержителя, презрев свои обеты, попытался меня убить; на въезде в Меллор, когда я приглянулась местным грабителям. И на выезде из него - приблизительно в такой же ситуации...

Странно, но упоминание о том, что слуга Бога-Отца пытался меня убить, горца несколько не удивило - вместо того, чтобы выразить сомнение в моих словах, он усмехнулся и шевельнул пальцами - мол, продолжай!

А вот на лице Магды появилось плохо скрываемое сомнение.

На ее реакцию мне было наплевать, поэтому я убрала со щеки непослушную прядь и вздохнула:

- В Сосновке от нас отвернулись боги. На миг. Но этого хватило - не успели мы вселиться в комнату, как на постоянный двор нагрянули оранжевые. И решили развлечься, ссильничая женщин и грабя мужчин...

- И?

- Кром их убил. А потом забрал их лошадей и увез меня в какой-то полуразрушенный охотничий домик в лесу...

- И конечно же, при этом не получил ни царапины... - фыркнул десятник.

- Почему это? - возмутилась я. - Его ранили. Довольно серьезно. Поэтому несколько дней он лежал пластом и не мог сходить даже за водой...

- А ты?

Я покраснела до корней волос:

- Я тоже. Боялась стаи волков, которая пришла на запах крови и задрала наших лошадей...

- М-да-а-а...

- Потом раны Крома слегка затянулись и он начал выходить. За водой и на охоту. Во время одной из таких отлучек я услышала стук в дверь и сдуру ее открыла. Оказалось, что это - не Меченый, а шайка лесовиков, пытавшаяся спрятаться от ваших воинов. Видимо, в этот момент кто-то из богов смотрел на меня, так как Кром вернулся до того, как они. В общем, я не пострадала...

- А Бездушный, еще не оклемавшийся от ран, конечно же, опять всех убил, - усмехнулся Арвазд. - Да он у тебя воистину вместилище Двуликого!

- Могу дать Слово!

- Одно Слово ты уже не сдержала...

Несколько долгих-предолгих мгновений я сдерживала рвущиеся наружу слезы, а потом неожиданно для себя оказалась на ногах, решительно шагнула к десятнику и требовательно вытянула перед собой руку:

- Кинжал!

Он усмехнулся, встал и вытянул из ножен клинок:

- Держи.

Я снова задрала рукав, от души полоснула клинком по предплечью и, чеканя каждое слово, произнесла:

- Я, баронесса Мэйнария из Атерна, клянусь *кровью своего рода*, что не сказала Арвазду из рода Усмаров ни слова лжи.

- Добавь «кровь от крови твоей, Барс!» - потребовал горец.

Я повторила. И, вовремя вспомнив о том, как хейсары заканчивают клятвы на крови, прикоснулась к ране губами...

Горец вздрогнул, диким взглядом уставился на мои окровавленные губы и глухо спросил:

- Ты понимаешь, что ты сейчас сделала?

- Понимаю.

- Зачем?!

- Я - гард'эйт Крома Меченого! Я не разделила его судьбу только потому, что женщина: меня назвали эйдине и силой привезли в этот дом. Ты - сын увея Бастарза, мужчина и воин! Проверь то, что я сказала. И помоги мне сдержать Слово...

Глава 7

Король Неддар Третий, Латирдан

Седьмой день четвертой десятины третьего лиственя

- Присядем? – предложил Неддар, остановившись рядом с аркой из цветов, через которую можно было пройти в небольшой кабинет [43] из кустов барбариса и кизильника.

Баронесса Кейвази подошла поближе, заглянула в уютный зеленый грот, полюбовалась на резную скамейку, прячущуюся в нише из причудливо переплетенных побегов, и отрицательно помотала головой:

- Это место создано для признаний в любви, пылких поцелуев и ласк, сир! А вы пригласили меня прогуляться по парку и побеседовать о жизни.

Латирдан испытующе взгляделся в глаза своей спутницы и... ляпнул:

- Леди Этерия, вы прямы, как белогорская стрела!

Девушка склонила голову к плечу и ехидно улыбнулась:

- Потрясающий комплимент, ваше величество! Жаль, что мне не хватает жизненного опыта, чтобы оценить всю яркость приведенной вами аналогии и глубину вложенного в этот комплимент смысла.

- М-да... Звучит действительно своеобразно, – вынужден был признать король. Потом простецки почесал затылок и попробовал объяснить: – Знаете, леди Этерия, семь из десяти девушек, оказавшись на вашем месте, приняли бы мое предложение, не задумываясь. Еще две начали бы кокетничать, но не особо усердствуя – так, чтобы я, прежде чем добиться своего, понял, насколько они чисты и непорочны. Последняя, десятая, произнесла бы полуторачасовую речь о недостойности такого поведения в отношении незамужней девушки, при этом ненавязчиво намекая мне на то, что в принципе она готова на все. Но лишь в качестве законной супруги.

- А я?

- А вы не обрадовались возможности стать моей фавориткой, не стали рассказывать о том, что пребывание со мной наедине обязательно дискредитирует вас в глазах всего двора, и не использовали это предложение, чтобы заставить меня смотреть на вас как на возможную супругу.

вернуться

43

Кабинет – элемент ландшафтного дизайна, группа декоративных кустов и деревьев, расположенных по периметру.

- Может, я просто не преследую столь далеко идущих целей? – усмехнулась баронесса.

- Собственно, это я и пытался сказать, – кивнул Неддар. – Ваши слова – отражение истинных мыслей, а не красивая оболочка, скрывающая под собой гниль. Это подкупает.

Улыбка, игравшая на губах леди Этерии, тут же пропала:

- Мой ответ можно объяснить и по-другому. Например, вот так: вы - король. То есть верховный сюзерен для всех дворян Вейнара. Значит, просто обязаны быть эталоном чести и достоинства. А раз так, то мне нет необходимости быть правильной или умной - достаточно верить в то, что вы, пригласив меня на эту прогулку, взяли на себя ответственность за все ее возможные последствия.

Слово «верить», прозвучавшее в ее словах, неприятно царапнуло сознание, напомнило Неддару об Ордене Вседержителя и... натолкнуло на мысль о том, что вера - это костыль, заменяющий разум. А те, кто с ее помощью урывают себе место под солнцем, по сути, пользуются человеческой глупостью.

- Видите, вы задумались, - с легкой грустью в голосе сказала баронесса.

- Я задумался не об этом, - мгновенно забыв о насущных проблемах, виновато буркнул король. - А о некоторых гранях понятия «верить». Что касается вашего ответа - я уже имел возможность убедиться в вашем уме, и мне нет никакой необходимости искать этому еще какие-то подтверждения.

- Вы мне льстите.

- Ничуть! - покачал головой Латирдан. - Кстати, могу сказать больше: вы не только умны, но и видите мир не так, как все остальные. Я пригласил вас на эту прогулку именно для того, чтобы понять, как именно...

Вместо того чтобы воспринять сказанное как комплимент и улыбнуться, леди Этерия помрачнела еще больше и даже сдвинула брови к переносице:

- Тогда как это приглашение сочетается с предложением уединиться?

Неддар пожал плечами:

- Сейчас объясню. Если, конечно, вы перестанете хмуриться и пообещаете не делать каких-либо далеко идущих выводов до того, как я договорю.

Баронесса утвердительно кивнула и даже попробовала улыбнуться, но, увы, улыбка получилась какой-то вымученной.

Почувствовав, что настроение начало портиться и у него, Латирдан собрался с мыслями и заговорил:

- Я вейнарец. Настоящий. Но только по крови! А по воспитанию - хейсар. Да, с раннего детства меня учили всему, что должен знать и уметь монарх, но эта учеба занимала в разы меньше времени, чем тренировки, набеги и охота. Жизнь в Шаргайле была проста и понятна, а рассказы о дворцовых интригах и заговорах казались не более правдоподобными, чем те жуткие истории, которыми по ночам меня пытались напугать мальчишки постарше. Я слушал, запоминал, но не принимал близко к сердцу, ибо не мог поверить в то, что мужчины способны предавать, интриговать или трусить, а женщины - плести интриги, кого-то подсиживать или травить. Поэтому, когда погиб Кортарен [44] и отец вызвал меня в Аверон, я, обнаружив, что чуть ли не весь двор увлеченно играет в игру под названием «урви кусок пожирнее», растерялся. А потом почувствовал себя в грязном, зловонном болоте. В общем, решив держаться от этих «мужчин» и «женщин» как можно дальше, я вызвал из Шаргайла пару сотен хейсаров и сразу после их приезда умчался в Алат, мстить.

Неддар перевел дух, жестом предложил баронессе продолжить прогулку и угрюмо посмотрел на серые облака, затянувшие небо:

- Увы, Бастарз смотрел куда угодно, но не на наш род – не успел я взять Карс, как в Авероне вспыхнул мятеж.

- И граф Иор Варлан убил вашего отца, – опустив взгляд, выдохнула леди Этерия.

- Именно, – кивнул Латирдан. – Я вернулся, подавил мятеж и по ряду причин оказался вынужден сидеть во дворце и жить «нормальной вейнарской жизнью».

Уловив сарказм, вложенный в три последних слова, баронесса развела руками:

- Ну да, вы – король. Значит, большую часть времени должны находиться в столице.

- Вы правы. Поэтому мне пришлось учиться видеть в людях второе дно и окружать себя теми, кому можно доверять. Потом я обратил внимание на вас...

- ...и попытались найти второе дно еще и во мне?

- Нет! Я захотел понять, не можете ли вы стать мне другом...

Баронесса недоверчиво приподняла бровь:

- Другом? Я – девушка, сир! Значит, до свадьбы должна быть тенью своего отца, а после – тенью мужа.

- В Шаргайле таких девушек презрительно называют урр'эйт [45]. И крайне редко приводят к домашнему очагу [46].

Леди Этерия сбилась с шага:

- Почему?!

Неддар вспомнил притчу о Шарги Каменном Копье и Хатии Цветке Заката и усмехнулся:

- Вместо ответа я процитирую слова мудреца из одной хейсарской притчи: *«Ты красива. Значит, можешь вызвать огонь в чреслах самого могучего воина нашего народа. Но, как только твоя красота превратится в тлен, тот, кто приведет тебя к своему очагу, прозреет. И увидит, что сын, которого ты ему родила, держит в руках веретено, а не меч...»*

- Образно. И не лишено смысла, – задумчиво пробормотала баронесса. Потом прищурилась и посмотрела на короля: – Значит, приглашая меня уединиться, вы меня провоцировали. Ну, и какой вы сделали вывод, сир, когда я отказалась?

- Я в замешательстве, – признался Неддар.

- В каком смысле?

- В самом прямом, леди Этерия! Я убедился в том, что вы не видите во мне мужчину, не пытаетесь использовать мой интерес, чтобы добиться чего-то для себя или для своего рода, и не ищете подходов к моей душе! Однако, не преследуя никаких корыстных целей, вы тем не менее соглашаетесь на мое приглашение прогуляться и побеседовать...

В глазах баронессы замелькали озорные искорки:

- Ну, в общем, вы правы...
- А в частности? - воскликнул король.

Искорки тут же пропали:

- Вы действительно хотите это знать?
- Да. Очень.

Баронесса остановилась, сложила веер, которым изредка обмахивалась, левой рукой разгладила невидимую складку на платье и... решила:

- Я действительно не преследую никаких корыстных целей. И пока вижу мужчину только в своем отце. Вы - мой сюзерен. И единственный человек во всем Вейнаре, которого заинтересовала не моя внешность, титул или богатство рода Кейвази, а мои мысли. Поэтому я первый раз в жизни почувствовала себя в чем-то равной мужчинам. И, каюсь, не смогла отказаться от возможности насладиться этим чувством еще раз.

Выражение «вижу мужчину только в своем отце» прозвучало более чем тактично, однако все равно задело за живое. Король сжал зубы и... заставил себя расслабиться: баронесса нашла в себе мужество сказать правду, зная, что она может и не понравиться!

- Вы порядочны, умны, честны и тактичны, - уважительно склонив голову, сказал Неддар. - Таких людей - очень немного. Поэтому я бы хотел, чтобы вы вошли в мой ближний круг...

Баронесса опешила:

- Куда вошла, сир?

Неддар сообразил, что его предложение звучит более чем странно, и махнул рукой:

- Я не в том смысле! Я хотел сказать, что предлагаю вам свою дружбу...

Девушка облегченно перевела дух и улыбнулась:

- Вот так - всегда: только вообразишь себя Первым министром, как оказывается, что тебе послышалось...

Латирдан представил ее на коне, в латах и во главе несущейся в атаку Первой Тысячи и расхохотался:

- Нет, только не им! Пожалуйста!!!

- Почему, сир? Вы только подумайте: я могла бы давать вам умные советы, важно ходить по дворцу...

- ...с неподъемным двуручным мечом на плече, - в унисон ей добавил Неддар, - и пугать меня и моих вассалов измученным взглядом из-под сползающего на плечи шлема.

Баронесса захлопала ресницами и «сокрушенно» вздохнула:

- А что, без двуручника никак нельзя?

- Можно, - улыбнулся король. - Например, с книгой. Но тогда придется забыть о должности Первого министра.

Леди Этерия посерьезнела:

- А ведь вы не шутите, сир!

- Не шучу, - кивнул Неддар. - Я хочу предложить вам должность моей личной чтицы. Если вы ее примете, то будете важно ходить по дворцу с каким-нибудь древним свитком, изредка зачитывать мне душещипательные отрывки из рыцарских романов, куртуазные сонеты или глубокомысленные изречения древних мудрецов и... довольно часто сможете чувствовать себя в чем-то равным мужчинам. Кстати, покои, которые вам будут положены по статусу, располагаются по соседству с покоями графа Грасса. Так что у вас появится хорошая возможность убедиться, что он передвигается по дворцу исключительно в доспехах.

вернуться

44

Кортарен - старший брат Неддара.

вернуться

45

Урр'эйт - лишенный Слова. Или, говоря по-другому, воли.

вернуться

46

Привести к домашнему очагу - жениться.

Баронесса выпятила нижнюю губу, закатила глаза и, копируя голос Неддара, заговорила:

- Семь из десяти мужчин, оказавшись на вашем месте, сир, рассказали бы мне о денежном содержании, которое я буду получать, и о тех возможностях, которые даст мне близость к трону. Еще двое стали бы восхищаться тембром моего голоса и утверждать, что не мыслят себя без чтицы, способной превратить сухие строки никогда не читанных ими книг в зримые и полные жизни картины. Последний, десятый, произнес бы полуторачасовую речь о том, что, приняв это предложение, я окажусь под королевской защитой и тем самым получу иммунитет к досужим сплетням и злословию. И дал бы мне понять, что чтица - это не столько должность, сколько первый шаг к чему-то большему.

Интонация и стиль построения монолога оказались настолько похожими на тот, который произнес Неддар, что он не смог удержаться от улыбки. И, в свою очередь, попытался поддразнить баронессу:

- А я?

- А вы предложили мне в свободное время понаблюдать за графом Грассом!!!

- Ужас!!!

- Ужас, - притворно потупив взгляд, хихикнула баронесса. Потом посмотрела Неддару в глаза и вздохнула. Уже по-настоящему: - Ваше величество, дружба - это огромная ответственность и... равенство! Вы - король, а я - ваш вассал. Вы - мужчина, а я - девушка. Вы обладаете свободой воли, а я - нет.

Неддар растерялся:

- Вы... отказываетесь?

Леди Этерия слегка покраснела и отрицательно помотала головой:

- Нет, сир! Я хочу попробовать. Очень! Но... у меня еще не было друзей. Поэтому я боюсь вас разочаровать. И... разочароваться...

Глава 8

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Восьмой день четвертой десятины третьего лиственя

Оглядев меня с ног до головы, граф Грасс помрачнел еще больше. Хотя еще вечером я была уверена, что своей встречей с десятником Арваздом довела его до крайней степени недовольства:

- Леди Мэйнария! Вы что, целенаправленно пытаетесь помешать мне выполнить свой долг по отношению к вам и вашему отцу?

- С чего вы взяли, ваша светлость?

- Ваше платье... - зарычал он и задохнулся. Видимо, не сумев найти ни одного эпитета, с помощью которого можно было прилично описать творение мэтра Лауна.

Позволять ему снова разговаривать со мной на повышенных тонах я не собиралась. Поэтому вскинула подбородок и холодно процедила:

- Ваша светлость, кажется, вы забыли, что я в трауре!

- Не забыл! Просто вижу, что вы в своем стремлении... э-э-э... в общем, переходите границы разумного!

Я мысленно усмехнулась: иссиня-черное траурное платье с кроваво-красными вставками над левой грудью, символизирующими кровоточащее сердце, и поясом того же цвета действительно выглядело излишне мрачным. Даже для человека, в одночасье потерявшего всю семью. Однако ехать на аудиенцию к королю, ограничившись одной лишь траурной ленточкой на плече [47], я не собиралась. И не только потому, что со дня гибели моих родных прошло чуть больше месяца - просто я считала, что такой образ оставит королю меньше свободы для маневра.

- Может, вы присмотрите в гардеробе моей супруги что-нибудь менее вызывающее? - не дождавшись от меня реакции на свои слова, примирительно предложил Рендалл.

- Вы очень любезны, ваша светлость... - расправив черное кружево на запястье, ответила я. - Однако я вынуждена отказаться. Ибо мой туалет как нельзя лучше соответствует состоянию души.

Граф закусил ус, нервно сжал кулаки и зачем-то процитировал мне Агира из Мельена [48]:

- «Любое отступление от золотой середины есть грех. Ибо вызвано либо слабостью, либо гордыней...»

- Мне кажется, тут больше подойдет цитата из Изумрудной Скрижали: «Чти отца своего и мать свою как при их жизни, так и после того, как они уйдут к Вседержителю. Ибо ты - плоть от плоти тех, кто тебя породил...»

- «Умный держит прошлое на расстоянии вытянутой руки, дабы с его помощью торить путь в будущее. Глупый живет прошлым всю свою жизнь!» - воскликнул граф Грасс. И, увидев, что я нахмурилась и побледнела, торопливо вцепился мне в руку: - Леди Мэйнария! Поверьте, я не имел в виду ничего плохого! Я любил и уважал ваших родителей, я скорблю по ним вместе с вами, но мы едем в королевский дворец! И не просто во дворец, а на аудиенцию к самому королю Неддару! Значит, вы обязаны выглядеть так, как того требует этикет!

Я еще раз посмотрела на себя в зеркало и отрицательно помотала головой:

- Простите, ваша светлость, но по-другому я не могу...

Рендалл скрипнул зубами и сдался:

- Хорошо... Извольте следовать за мной - карета подана...

«Карета подана...» - мысленно повторила я и закусила губу. Вспомнив, как ждала этой фразы весь вчерашний день и чем закончилось это ожидание.

...Процесс укладки прядей в замысловатую прическу я почти не запомнила - вместо того, чтобы смотреть на то, что делает с моими волосами куафер Рендаллов, я прислушивалась к звукам, доносящимся со двора.

Увы, вместо скрипа колес или ржания лошадей до меня доносились то чей-то командный рев, то звон железа, то истеричные вскрики какой-то особо голосистой тетки.

Наконец, когда я исчерпала все свое терпение и поинтересовалась у Магды, когда будет готова карета, она сделала круглые глаза и захлопала ресницами:

- Зачем вам карета, ваша милость?

Я напомнила ей о своем желании посетить лавку мэтра Лауна и опешила: оказалось, что портной уже в особняке! Причем не один, а с приказчиком, парой помощников и со всем, что может пригодиться для переделки моего платья!!!

Видимо, удержать лицо мне все-таки удалось, так как служанка, в глазах которой после моего вопроса появилось плохо скрытое торжество, слегка расстроилась. И, услышав мое «скучающее» «ну, тогда веди!», умудрилась споткнуться о порог и здорово приложиться

скулой к косяку двери.

Примерка и подгонка платья по фигуре тоже прошли в каком-то тумане – я послушно поднимала и опускала руки, поворачивалась вправо-влево, приседала в реверансе и вставала на цыпочки. И при этом судорожно пыталась убедить себя не отчаиваться: да, мажордому и начальнику охраны особняка удалось меня переиграть, но сдаваться-то я не собиралась!

Увы, в то, что следующую мою идею не постигнет та же участь, верилось слабо – и тот и другой были намного старше и в разы опытнее, чем я. В общем, к моменту, когда портной счел платье готовым и угрюмо предложил мне оценить его работу, я пребывала в омерзительнейшем настроении. Однако стоило мне заглянуть в зеркало, как настроение стало стремительно улучшаться: черное траурное платье очень сильно подчеркнуло бледность моего лица, а алые вставки на груди сделали заметнее красноту и лихорадочный блеск глаз. И вместе со слегка старомодным фасоном превратили меня в подобие ожившего воплощения Темной половины Двуликого. Хотя, наверное, так показалось только мне – судя по реакции мэтра Лауна, у него я вызвала не ужас, а жалость:

- Простите, ваша милость! Видимо, я неправильно понял ваши объяснения. Платье получилось... несколько неудачным... Оно делает вас... э-э-э... взрослее... И чересчур мрачной... Поэтому... давайте я пошью вам новое!

Пошить новое я, конечно же, согласилась. И заказала сразу три – это давало мне хоть призрачную, но все-таки надежду на возможность покинуть особняк Рендаллов хотя бы после того, как граф Грасс сочтет, что передвигаться по улицам Аверона в карете с его гербом не так опасно. А вот принять часть денег за «не получившееся» отказалась: на мой взгляд, оно как нельзя лучше соответствовало моим планам.

Обрадованный мэтр Лаун велеречиво поблагодарил меня за проявленное великодушие, выразил надежду на то, что я и впредь буду пользоваться его услугами, и поспешил откланяться. Видимо, чтобы успеть уехать до того, как я передумаю.

За ужином я, наконец, придумала, как облегчить Кромю процесс ожидания суда. И, уронив ложку на пол, радостно уставилась на стоящего у двери мажордома:

вернуться

47

Мэй выбрала «большой» траурный наряд. А по местным традициям, при посещении королевского дворца или светских раутов рекомендуется ограничиваться «малым» – черной траурной лентой с алыми вставками, закрепляемой на левом плече.

вернуться

48

Агир из Мельена – один из известнейших философов Горгота.

- Вы не могли бы выделить человека, который мог бы три раза в день ездить в королевскую тюрьму и передавать моему майягарду корзинку с едой?

Вассал графа Грасса подумал и неожиданно для меня согласился:

- Могу, ваша милость! Только не уверен, что до него дойдет хоть корочка хлеба.

- Я буду давать денег! – воскликнула я, вскочила на ноги, чуть ли не бегом бросилась к дверям в опочивальню и застыла, услышав из коридора разгневанный рев хозяина дома.

Я криво усмехнулась: судя по обрывкам доносящихся до меня фраз, ему доложили не только о том, что я беседовала с Арваздом из рода Усмаров, но и о содержании беседы.

Так оно и оказалось – не прошло и двух минут, как дверь в гостиную распахнулась, и красная, как вареная свекла, Магда с придыханием объявила:

- Ваша милость, к вам граф Рендалл!

Я кивнула головой и удивленно приподняла бровь: за ее спиной возник донельзя мрачный Грасс! До того, как я разрешила!

Отодвинув в сторону служанку, он в сердцах швырнул на ближайшее кресло свой плащ и рявкнул:

- Леди Мэйнария? Нам с вами надо поговорить!

Потом наткнулся взглядом на мажордома и заорал чуть ли не на весь дом:

- Все вон! Живо!!!

Слуг как ветром сдуло: в мгновение ока захлопнулась дверь, за ней простучали каблуки и настала тишина, изредка прерываемая хриплым дыханием графа.

Перечить хозяину дома, да еще и находящемуся в таком состоянии, было глупо. Поэтому я пожала плечами, вернулась к своему креслу и опустила на сиденье:

- Я вас слушаю.

Грасс нервно стиснул пальцы на рукояти своего меча и угрюмо посмотрел мне в глаза:

- Скажите, леди, какого... э-э-э, зачем вы выложили этому хейсару... э-э-э... историю своих странствий?

- Этот, как вы выразились, хейсар – сын увея Бастарза. Он хотел удостовериться, правильно ли я дала клятву.

- Мало ли что он хотел? – взбеленился Грасс. – Я, быть может, хочу занять место Раксиза Ал'Арради или Седрика Белоголового!

- Я не имею ничего против, – ледяным голосом сказала я. – Занимайте!

Рендалл поперхнулся, скрипнул зубами и соизволил успокоиться:

- Прошу прощения за этот срыв. Просто я за вас беспокоюсь и...

- Ваше беспокойство заходит слишком далеко: мало того, что вы запрещаете мне покидать дом, так еще и препятствуете общению с законопослушными гражданами Вейнара. Вам не

кажется, что это как-то не вяжется с вашим утверждением о том, что вы – друг моего отца?

- Я пытаюсь оградить вас от...

- Ограждать можно по-разному! – не дав ему договорить, тем же тоном продолжила я. – Скажем, вы можете бросить меня в темницу. Или приказать своим вассалам меня придушить. Ну, чтобы я точно не могла создать вам никаких проблем.

Рендалл побагровел, набычился и качнулся вперед:

- Я...

- Ваша светлость, я – не ваш вассал. Поэтому будьте любезны вспомнить о правилах хорошего тона. Или позвольте мне покинуть ваш гостеприимный дом!

Граф сглотнул, рванул ворот камзола и... весьма мило улыбнулся:

- У меня несколько новостей. Ваши слова о том, что замок Атерн захватили оранжевые, подтвердились. Я доложил об этом королю. Он очень расстроился и... В общем, завтра в час горлицы мы должны быть во дворце...

- Спасибо, я искренне благодарна вам за все, что вы для этого сделали... А что с моим майягардом? Вы у него были?

При слове «майягард» графа перекосило. Однако следующую фразу он произнес так же спокойно, как и предыдущую:

- Нет, у него – не был. Зато говорил с дознавателем, который ведет это дело. Бездушный потребовал особого судопроизводства. Я, как член Внутреннего Круга короля Неддара, решил взять его дело под свой контроль.

- Благодарю, – вскочив со стула и присев в глубоком реверансе, выдохнула я. – Значит, в ближайшее время вы ознакомитесь с показаниями свидетелей и признаете его невиновным?

- Ознакомлюсь. Но не уверен, что в ближайшее – у меня, как вы, наверное, заметили, довольно много дел.

В то, что выбираться в город действительно небезопасно, я поверила только тогда, когда увидела рядом с каретой два десятка вооруженных до зубов воинов: отряд, способный разогнать сотню-другую лесовиков, собирался сопровождать нас в поездке по центральным улицам столицы!

- Неужели мятежников все еще так много? – поинтересовалась я у графа Грасса.

Он поудобнее пристроил раненую руку и сокрушенно вздохнул:

- Аверон довольно велик. Для того, чтобы перевернуть его вверх дном, нужно время...

- Понятно, – кивнула я и, вспомнив рассказы отца о том, что некоторые лесовики любят стрелять в пассажиров карет, задвинула занавеску. На всякий случай.

Рендалл кивнул. Так, словно подслушал мои мысли. И, дождавшись, пока мы тронемся,

негромко поинтересовался:

- Волнуетесь?

Я пожала плечами:

- Ну да, немного...

- Все будет хорошо, - обнадежил он. - Король Неддар молод, но справедлив. Узнав о том, что ваш замок был захвачен людьми графа Йора, он здорово расстроился.

- Вы вчера об этом уже говорили.

Граф Грасс вспыхнул, но все-таки заставил себя успокоиться:

- Да, говорил. Однако считаю нужным повторить еще раз. Ибо, несмотря на все свои многочисленные достоинства, наш верховный сюзерен... э-э-э... несколько вспыльчив. Любое не вовремя сказанное слово может вызвать его гнев... и, соответственно, немилость. Поэтому я убедительно прошу вас как можно меньше говорить и...

- ...и вообще предложить вам представлять мои интересы... - закончила я.

- Да! Именно так! Ибо я знаю и короля, и ту ситуацию, в которой он... э-э-э... оказался. И способен подтолкнуть его к нужному нам решению, не уязвив его самолюбия и монаршей гордости!

Ситуация была действительно аховая: в настоящее время лен Атерн принадлежал не кому-то, а побратиму короля, графу Ваге Руке Бури из рода Аттарк. И передарил его ему не кто иной, как Неддар Латирдан. Честно говоря, я не представляла, что должен сделать король, чтобы выйти из нее с честью. Ведь, забрав подарок обратно, он терял лицо перед побратимом, а не забрав - передо мной и всем остальным дворянством, умеющим делать выводы из самых неоднозначных ситуаций.

В общем, я подумала и кивнула:

- Хорошо, я постараюсь...

Видимо, Рендалл рассчитывал на менее многозначный ответ, так как раздраженно рыкнул:

- Стараться - мало! Надо делать!!!

- Как говорил мой отец, обещать что-либо можно только тогда, когда уверен, что сделаешь это в любом случае. Я - не уверена. Поэтому оставляю за собой право вмешаться в разговор, если мне покажется, что ваше понимание моих интересов отличается от этих самых интересов.

Граф побагровел, неловко шевельнул левой рукой, поморщился от боли и... согласился:

- Хорошо. Договорились.

Король Неддар оказался не таким уж и молодым: между его бровями лежали глубокие вертикальные складки, взгляд был тверд и исполнен властности, а в голосе звучала привычка повелевать:

- Грасс? Почему вы так долго?

- Доброго дня, сир! – поклонился Рендалл. – Час горлицы, как вы и приказали.

Латирдан кинул взгляд на мерную свечу и одним плавным, но до безумия хищным движением перетек на ноги:

- Ну да... Действительно... Извини...

Потом посмотрел на меня и помрачнел. Видимо, оценив глубину траура, который я демонстрировала своим нарядом.

Впрочем, чувствовать себя виноватым он, кажется, не любил, так как уже через мгновение в его глазах появилась решимость, а в жестах пропала даже тень нерешительности:

- Леди Мэйнария! Я, Неддар Третий, Латирдан, приношу свои искренние извинения в связи с ошибкой, допущенной по вине...

Он сжал кулаки так, что они аж побелели, затравленно посмотрел на хейсара, стоящего рядом с окном, и вздохнул:

- ...по моей вине! Ваш отец, барон Корделл, был верным вассалом моего отца! А я, поверив на слово тем, кто его оговорил, счел его одним из главарей мятежников...

Извинение от короля, да еще и принесенное в такой форме, поразило меня до глубины души. Поэтому я решила дать себе время на раздумье и озвучила первую подходящую цитату из тех, которые знала:

- Ваше величество, ошибаются даже боги! А кто мы против них? Никто...

При слове «боги» Неддар криво усмехнулся. Понять причину такой реакции я не смогла, поэтому решила не забивать себе голову всякой ерундой и продолжила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)